

Гизум Герко

Мусорным
Фронтир: Риф

Мусорный Фронтир

Гизум Герко

Мусорный Фронтир: Риф

«Автор»

2026

Герко Г.

Мусорный Фронтир: Риф / Г. Герко — «Автор»,
2026 — (Мусорный Фронтир)

После гибели базы Рик, Ян, Мира и САРА проходят Барьер и попадают в Риф Плазменных Штормов. Старая система уже записала Рика мертвым, а новая сторона встречает их поврежденным шаттлом, плохими картами, чужими отметками и воздухом, который приходится считать по минутам. В Рифе нельзя просто найти укрытие и начать заново. За фильтр, проход, ремонт и право открыть люк здесь платят работой, долгами или информацией. Команда находит мертвую грузовую баржу, но сделать из нее дом сложнее, чем оживить железо: вокруг есть люди, реестры, контракты и те, кто уже понял, что за закрытой дверью не пусто.

Содержание

Глава 1: Вздох после смерти	5
Глава 2: Краткая остановка	15
Глава 3: Световая полоса	25
Глава 4: Первый карман	34
Глава 5: Чужая метка	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Гизум Герко

Мусорный Фронтир: Риф

Глава 1: Вздох после смерти

В журнале САРЫ мой первый вход в Риф выглядел коротко.

[Переход через Барьер: завершен]

[Текущая зона: Риф Плазменных Штормов]

[Персонаж: Рик Стоун]

[Сердечная активность: нет]

[Мозговая активность: нет]

[Регистрация смерти: Нулевая Зона]

Это я увидел отстраненно, словно сам являлся не Риком Стоуном, а всем челноком одновременно.

В момент входа меня не было в теле.

Не было ни Рифа, ни света, ни боли. Даже страха не было. Страху нужен кто-то живой, чтобы за него держаться.

Потом меня ударило.

Снаружи. Внутри грудной клетки, в том месте, где сердце уже решило, что договор закончен. Тело дернулось в ремнях, шлем стукнул о подголовник, воздух не вошел.

— Еще, — голос Миры.

Я тогда ее не слышал. Я прочитал это в записи САРЫ и по тому. Увидел, как Мира баюкала свою правую руку. Она держала контакты медбокса у аварийного разъема моего скафандра так крепко, что жесткий пластик продавил перчатку. Нормальной реанимации в перегруженном шаттле не бывает. Есть ремни, шлем, фиксатор, чужое зеленое ядро под ногами, Ян у ручной панели и врач, который выбирает не лучший способ, а тот, который еще возможен.

— Ян, держи курс, мать твою, — сказала Мира.

— Держу.

— Не смотри сюда. Держи курс!

Он не ответил.

САРА вывела строку на внутренний экран шаттла.

[Реанимация: ручной протокол]

[Стимуляция: разрешена]

— Я не спрашивала, — сказала Мира.

Второй удар пришел глубже.

Тело внизу дернулось. В горле что-то хрипнуло, но дыхание еще не вернулось. Шаттл скрипел всеми оставшимися креплениями. Зеленое ядро тянуло уже без моего приказа и держало нас на ходу, пока меня самого пытались вернуть туда, где приказы вообще имеют смысл.

САРА ответила не голосом. Строкой.

[Сердечная активность: нет]

[Мозговая активность: слабая]

Мира выругалась коротко, без злости. Так ругаются не на человека, а на дверь, которую нельзя открыть достаточно быстро.

— Рик, — твердо произнесла она. — Вернись назад!

Третий удар вытащил меня прямо в боль.

Сначала появилось ощущение груди. В ней что-то горячее и тупое попыталось ударить снова. Потом вернулось горло. Потом воздух, который вошел как наказание. Я вдохнул рвано, слишком жадно, и сразу закашлялся внутри шлема.

Мира не отодвинулась. Ее рука осталась у разъема, готовая ударить снова, если сердце передумает.

САРА вывела строки.

[Сердечная активность: слабая]

[Ритм: нестабилен]

[Сознание: частичный возврат]

— Не радуемся раньше времени! Рик!? — произнесла Мира.

Я хотел спросить, кто собирался радоваться.

Не смог.

Я видел только ее глаза за стеклом шлема, белые пальцы на контактах медбокса и серую полосу на экране, которой САРА закрывала лишние строки Системы. Потом понял, что Ян все еще ведет шаттл. Не смотрит. Держит. Слишком прямо сидит для человека, у которого только что за спиной умер тот, кто должен был отдавать команды.

— Риф? — попытался спросить я.

Получилось что-то плохо разборчивое.

Мира наклонилась ближе, подумала, видимо поняла.

— Вошли.

Слово не стало победой. Оно просто сообщило, что старая сторона успела записать меня мертвым, а новая уже получила нас всех вместе. Живых и мертвых, целых и поломанных, полностью перегруженных.

Радость закончилась раньше, чем первое окно Рифа. Она даже толком не успела начаться.

Ян вывел шаттл в темный промежуток между плазменными полосами, САРА убрала лишние строки с экрана, Мира сняла с меня один датчик и сразу поставила другой. Все заняло меньше минуты после того, как сердце снова согласилось работать. Потом радость сжалась до простого понимания.

Мы живы.

И значит, дальше придется доказывать это заново, шаг за шагом.

Шаттл полз малой тягой.

Слово подходило лучше, чем летел. Летят корабли, у которых хватает гордости, топлива и целой обшивки. У нас был перегруженный грузовой отсек, вода в пакетах под ремнями, скафандры у стенки, медбокс у Миры на коленях и двигатель, который после каждой поправки выдавал низкий дрожащий звук. Раньше такой звук можно было бы отложить до планового осмотра. В Рифе любое «потом» требовало оплату здесь и сейчас.

— Левый контур еще раз, — сказал я.

На боковом экране поднялась схема двигателя. САРА оставила только то, что нужно было видеть сейчас. Давление держалось. Температура плавала. Вибрация на левом креплении уходила выше расчетной после каждой боковой поправки.

— Не нравится, — сказал Ян.

Он не обернулся. Сидел у карты, пристегнутый на половину ремней, потому что вторая половина мешала ему тянуться к ручной панели. После выхода из Нулевой Зоны он стал двигаться иначе. Меньше размахивал руками. Меньше отпускал лишние слова. Будто вместе с капсулой у него отрезали кусок, который раньше проявлял эмоции.

— Мне тоже, — сказал я.

На экране появилась строка.

[Режим радиомолчания: активирован]

[Деталь: левое крепление двигателя]

[Состояние: активно]

[Риск поломки: высокий]

Мира посмотрела на строку и сразу на меня.

— Не трогаешь нейросвязь, пока не оклемаешься полностью.

— Я еще ничего не сказал.

— Ты уже посмотрел на крепление как на вещь, которую можно убедить просто посмотрев на нее.

— Оно мертвое наполовину.

— Ты живой не полностью. Начнем воскрешение с тебя.

Она развернула сканер ко мне.

— Имя.

— Рик Стоун.

— Где ты.

— В шатгле. Риф.

— Кто рядом.

— Ты. Ян. САРА.

— Что последнее помнишь.

Белую складку. Зеленое ядро. Строку, которую САРА не успела закрыть. Потом ничего.

— Барьер, вспышки, боль, сердце... — начал перечислять я.

— Хватит.

Она не спросила, помню ли я смерть. В ее работе такое уходило в запись и было зафиксировано в системе шатгла. С ней было трудно спорить, когда она говорила таким тоном. Тихо, без злости, но между мной и панелью сразу вставал медицинский факт.

Правая рука лежала в фиксаторе, пальцы подрагивали мелко и зло. Левая слушалась лучше, но если держать ее в воздухе дольше нескольких секунд, дрожь догоняла и ее. После пуска тело не вернулось в норму. Оно просто перестало разваливаться быстро. По нынешним меркам тянуло на хорошую новость.

Я убрал руку с панели.

— Тогда считаем без нейросвязи. Что с САРОЙ?

Ян взглянул на монитор и быстро ответил:

— Говорит, что прямая трансляция в шлемофоны дает стабильную наводку. Сама предложила режим радиомолчания.

Мира кивнула.

— Хорошая мысль, которая могла прийти тебе раньше.

Ян тихо фыркнул.

— Записать в журнал редкий случай?

САРА вывела на экран.

[Режим радиомолчания: активирован]

[Журнал перегружен более важными чудесами]

Голос она выключила. Ядовитость оставила.

От такой САРЫ становилось спокойнее и теплее.

Я заставил себя пройти список сначала.

Люди. Воздух. Вода. Фильтры. Еда. Медицина. Скафандры. Тяга. Карта. Каналы связи.

Все, что в старой базе можно было раскидать по отсекам, теперь лежало рядом с нами, терлось углами о сиденья, цеплялось ремнями за проход и мешало дышать даже там, где воздуха хватало. Полноценной базы больше не существовало. Повернуть плечо было трудно, потому что там висел запасной шлем. Достать воду было трудно, потому что пакет зажало между контейнером с едой и Мириной аптечкой. Развернуть схему на большом экране было

нельзя, потому что большой экран САРА держала под карту, а карту приходилось обновлять каждые несколько секунд.

Старый дом исчез не в красивой вспышке. Он исчез в каждом движении, где раньше хватало бы места, а теперь не хватало.

— Люди, — сказала Мира.

Она сказала это мне, но смотрела на свой сканер.

— Повтори.

— Ян за картой. Ты рядом. САРА в системе. Я в кресле.

— Состояние.

— Ян устал, но держит маршрут. Ты устала и делаешь вид, что это не касается тебя.

САРА молчит громче обычного, по регламенту. Я пока снова с вами.

Мира несколько секунд молчала.

— Для пациента с летальным статусом годится.

Ян поднял руку, не отрываясь от карты.

— Возражаю насчет усталости.

— Возражение отклонено, — сказала Мира.

На экране моргнуло. Я перевел взгляд туда.

[Режим радиомолчания: активирован]

[Канал внешнего приема: активирован]

[Фоновый шум: высокий]

[Сигналы: ненадежны]

Под строками шли серые пятна. Они появлялись и расползались по краю карты, будто кто-то касался темной воды пальцами. В Нулевой Зоне ложный сигнал чаще всего пах ловушкой или старой автоматикой.

Здесь все было хуже. Риф шумел сам. Плазма била по металлу, старые маяки просыпались на секунды, обломки отражали наши же слабые импульсы и возвращали их испорченными. Карта не вралась целиком. Она говорила правду кусками и иносказаниям. И каждый кусок мог оказаться последним в нашем путешествии.

— Ян?

— Вижу. Не беру маршрут на дальний свет. И ближний не беру, пока он не будет проверен.

[Режим радиомолчания: активирован]

[Проверен два раза]

Вывела САРА на экран.

Ян качнул головой.

— Два раза здесь не повтор. Два раза здесь кто-то чихнул, а эхо донесло.

Он ткнул пальцем в темный изгиб на карте.

— Нам туда. Меньше света, больше мусора, хуже проход. Зато меньше шансов, что нас кто-то решит стереть.

Слово «стереть» неприятно дернуло в груди.

Прежняя запись Рика Стоуна уже была закрыта. САРА не стерла эту строку, просто убрала с визора, чтобы я не смотрел на нее постоянно. Теперь могло значить что угодно. Бесхозный шаттл. Мертвый владелец. Спорный груз. Система, которую можно оценить отдельно от людей. Я понимал это умом, но пока знание лежало без применения. Риф быстро найдет применение сам. Так обычно и бывает с плохими правилами.

— Идем тихо по проходу, — согласился я.

Ян кивнул.

— Люблю, когда выбор богатый и мнений множество.

Мира протянула мне пакет воды.

— Пей.

— Сейчас не время.

— Через пять минут ты скажешь то же самое. Через десять рука начнет дрожать сильнее. Через пятнадцать ты сделаешь вид, что виноват двигатель и опять откинешься.

Я взял пакет зубами, потому что рукой было неудобно. Теплая вода пошла маленькими глотками. Пить хотелось сильнее, чем я думал. Воду легко пропустить, пока смотришь на карту и смерть в реестре. Тело же не уважает важные события. Ему просто нужна вода.

— Еда? — спросил я.

САРА вывела кратко.

[Режим радиомолчания: активирован]

[Запас еды: ограничен]

[Режим: строгий счет]

— САРА. Конкретнее.

На экране появилась новая строка.

[Текущая норма: сниженная]

[Пересчет: после первой безопасной стоянки]

— Она не хочет писать цифры, раз мы запретили ей общаться, — сказал Ян.

Само собой, дело было не в этом. Я понимал почему.

Цифры в тесном шаттле звучат как приговор, даже когда они просто цифры. Слишком рано было превращать каждый пакет еды в календарь. До первой стоянки мы могли потерять половину расчета на одном маневре. Или найти воду. Или разорвать фильтр. Или умереть, что сильно упрощало положение.

— После стоянки, — согласился я.

Мира не стала спорить. Значит, сама думала так же.

Проход подложенный Яном оказался уже, чем на карте. САРА уменьшила тягу до почти нуля. Шаттл медленно вошел между двумя темными массивами, которые датчики называли старыми техническими плитами, а глаза видели как большие неровные стены. По краям шло слабое свечение. Оно не освещало, а мешало понимать расстояние.

Пакеты воды в сетке шевельнулись.

Потом весь шаттл повело вбок.

Не сильно. Достаточно.

Ян коротко вдохнул.

— Магнитный поток снизу.

САРА вывела схему. Фон поднимался из нижнего канала. Не удар, а ровное давление снизу. Чтобы сдвинуть нашу массу и нагрузить обшивку не хватало.

— Малой тягой, — сказал я.

— Малой могу не удержать.

— Средней?

САРА вывела.

[Режим радиомолчания: активирован]

[Средняя тяга: рост видимости]

[Левое крепление двигателя: перегрузка]

— Сколько до выхода?

Ян быстро провел пальцем по карте.

— Тридцать метров. Если карта снова не врет.

Хорошее расстояние, если идешь пешком. Плохое, если вокруг Риф и двигатель после реанимации просит не трогать его лишний раз.

Правая рука дернулась в фиксаторе по старой привычке. Где-то под рукой лежал новый класс, как инструмент с чужой рукоятью. Он уже один раз нашел применение. Рядом на карте

были мертвые куски металла, старые крепления, обломки плит. Любой из них можно было попробовать поднять. Упереть. Повернуть. Сделать то, чего не хватало шаттлу.

Мира сказала, даже не посмотрев на меня:

— Нет.

— Я ничего не говорил.

— Ты уже начал выбирать, что мертвое рядом, что может не быть мертвым, что может стать живым.

Я сжал зубы. Она была права.

На экране появилась другая схема, без системного окна. Просто расчет. Внизу, под потоком, лежала полоса старой ферритовой пыли и мелкого мусора. Если пройти чуть ниже, шаттл получит больше сопротивления корпусом, не двигателем. Некрасивый способ. Можно было поцарапать брюхо. Можно было задеть неизвестный обломок. Зато без класса и без средней тяги.

— Ян, видишь нижний слой?

— Вижу. Он грязный.

— Нам подходит.

— Обожаю твои предложения по маршруту.

Он мягко опустил нос, САРА удержала угол, поток снизу ударил по корпусу, но уже не сдвинул нас так сильно. По нижней обшивке пошел долгий шорох. Я почувствовал его через кресло. Шаттл не должен так звучать. Ничто важное нужное не должно так звучать, если у тебя нет мастерской, запчастей и спокойного часа.

Но проход мы прошли.

На выходе свет Рифа вспыхнул прямо перед носом. Карта на мгновение стала белой.

Ян остановил шаттл.

Я видел только свет и черные пятна после него. Потом экран вернулся, и вместе с ним пришел новый шум. Короткие всплески походили на обрывки чужой речи. Они шли слева, с дальнего участка, где карта рисовала пустоту.

— Не отвечать, — сказал я.

Ян нахмурился.

— Это может быть маяк.

— Может.

— Или человек.

— Может.

Он наконец повернулся ко мне. Глаза красные от света и усталости.

— Мы просто пройдем мимо?

Я хотел ответить резко. Простые ответы любят приходиться первыми. Они экономят время, но потом дорого слишком стоят. В Нулевой Зоне мы уже видели сигналы, которые умели кричать чужими голосами. В Рифе мы не знали даже того, какие голоса здесь считаются чужими. За каждым спасательным маяком мог стоять человек. За каждым человеком могла стоять ловушка.

— САРА?

На экране появилась строка.

[Режим радиомолчания: активирован]

[Источник не подтвержден]

[Источник нестабилен]

[Передача ответа повысит заметность]

Мира сказала.

— У нас нет стоянки, нет запаса на маневр, нет чистого шлюза и нет понимания, кто там.

Ян вздохнул и отвернулся к карте.

— Принял.

Он сказал это слишком ровно.

Я запомнил для будущего разговора. Ян всегда первым слышал дорогу, но дорога для него состояла не только из металла и света. Там были люди, долги, случайные беды, чужие хвосты. Если сейчас он проглотил этот маяк как приказ, внутри останется заусенец.

— Записать источник в серый список, — сказал я. — Не отвечать. Если повторится после того, как найдем место для стоянки, вернемся к вопросу.

САРА подтвердила. Ян чуть расслабил плечи.

Дальше мы шли молча. САРА держала карту в тихом режиме, Ян выбирал плохие, темные, неудобные щели, Мира считала мое дыхание громче, чем было нужно. Я считал остальное чтобы не отключиться.

Разворот. Потеря тяги. Надрез. Фильтр. Вода. Сигнал, на который мы не ответили. Левое крепление, которое пока держалось. Слово пока цеплялось к каждой строке как маленький крючок.

Через двадцать минут Риф изменился.

Свет стал чаще. Темные промежутки укоротились. Карта начала запаздывать на полсекунды, потом на секунду. Ян дважды поправил курс до того, как САРА успела показать опасность. Третий раз он ошибся не направлением, а временем. Шаттл прошел рядом с обломком, которого не было на карте, и экран засветился красным. По обшивке что-то мелко застучало.

[Режим радиомолчания: активирован]

[Боковой контакт]

[Повреждение внешнего слоя]

[Герметичность: держится]

— Увидел слишком поздно, — попробовал оправдаться Ян.

Он сказал сам. До моего вопроса.

— Почему поздно?

— Отметка старая. На карте проход чистый. По свету он был чистый. Мусора я не видел.

— Мусор быстрее карты, — сказала Мира.

— В этом месте да.

САРА вывела рядом две версии прохода. Официальную старую линию и наш настоящий след. Они расходились так, будто кто-то сдвинул коридор рукой. Может, так и было. Не рукой человека. Штормом, обломком, временем. Какая разница, если корпусу больно одинаково.

Риф впервые стал немного более понятным.

Он не был пустошью после боя и не был кладбищем техники. В Нулевой Зоне вещи лежали так, будто их бросили и забыли. Здесь все двигалось. Постоянно. Обломки меняли проходы. Свет менял карту. Люди проходили и оставляли за собой знаки, которые жили меньше, чем хотелось.

— Значит, первое правило, — сказал я. — Не верим одной карте.

Ян хмыкнул.

— У нас пока нет второй.

— Значит нужно создавать. Твоя, САРА и датчиков. Все три должны работать в связке. Мира посмотрела на меня.

— И тела.

— Хорошо, четыре.

Она кивнула.

— Если тело говорит, что ты не тянешь, это важнее показателей карты.

Я не стал спорить. Иногда можно сэкономить силы на будущем неправильном поступке. САРА вывела на нижнем поле.

[Режим радиомолчания: активирован]

[Правило Рифа I]

[Одному источнику не верить]

Я посмотрел на строку и уже хотел попросить убрать, но потом решил оставить. Иногда полезно, чтобы умная машина записывала простые вещи. У людей на простые вещи чаще всего не хватает времени.

Следующее правило появилось через семь минут.

Фильтр в стене дернулся, выдал сухой щелчок и на секунду отключился. Не до аварии. До неприятного намека.

Мира уже была на ногах, насколько позволяли ремни и теснота.

— Не двигаться.

Она сказала это всем, но смотрела на меня.

Я и не двигался. Сидел, слушал, как шаттл делает вид, что умеет дышать без прежнего продуктового рукава, запасной капсулы Яна и нормального обслуживания. Вентилятор поймал ритм, сорвался, поймал снова.

САРА вывела схему фильтра.

[Режим радиомолчания: активирован]

[Картридж центральной очистки]

[Засорение: растет]

[Ресурс до обслуживания: низкий]

— Насколько низкий? — буркнул Ян.

САРА молчала, не хотела давать цифру, пока не сняла картридж и не проверила руками.

— До первой стоянки дотянет? — спросила Мира.

[Вероятность: высокая]

— До второй?

Пауза.

[Пересчет после первой стоянки]

Ян тихо сказал.

— Красиво ушла от ответа.

— Нормальный ответ, — сказала Мира. — Все после первой стоянки.

Вот и второе правило.

Не считать дальше того места, куда у тебя еще нет всех шансов пойти.

Я не сказал это вслух. Слишком похоже на красивую мысль. А красивые...

Мира открыла медбокс, достала тонкий ручной фильтр, проверила стык на маске и убрала обратно. Каждое движение было экономным. Она берегла расходники. Они у нас лежали в одном ящике, и ящик не умел размножаться по нашему желанию.

— Если центральный кашлянет еще раз, ставим ручной дублер на контур, — сказала я.

Она посмотрела на меня так, что я понял ответ раньше слов.

— Поясни.

— Без резкой тяги, без лишней нейросвязи, без красивых камней и без попытки доказать Рифу, что мы крепче, чем есть.

— Уже лучше.

— Мне становится страшно каждый раз, когда ты это делаешь, — проворчал Ян.

Мира не улыбнулась.

— Она работает на пациентах, которые хотят выжить.

— А на Рике?

— Я экспериментирую.

САРА вывела.

[Режим радиомолчания: активирован]

[Эксперимент одобрен]

Я бы засмеялся, но плечо еще помнило прошлую попытку. Поэтому просто выдохнул. Проход наконец расширился. Свет впереди уходил влево, справа тянулся темный слой старых конструкций. На одной плите блеснули ровные насечки.

— Царапины, — сказал Ян.

САРА приблизила изображение.

Три короткие, одна длинная, потом косою надрез. Слишком ровно для случайности. Человеческая работа или очень похожая на нее.

— Прочитать можешь? Ты же связист — спросил я.

Ян долго смотрел.

— Нет. Но пометка не свежая.

— Что-то может значить?

— Здесь цепляли груз. Или считали проходы. Или просто человек, который оставил метку, очень не любил ровные линии.

САРА вывела.

[Режим радиомолчания: активирован]

[Классификация следов: отсутствует]

[Предложение: собрать]

— Собрать, — сказал я.

— Без остановки не снимем нормально, — сказал Ян.

— Снимем как получится. Лучше, чем никак.

САРА сохранила изображение. Царапины ушли в серый буфер рядом с сигналом, на который мы не ответили, и строками моей закрытой прежней записи.

Мира вернулась на свое место. По лицу было видно, что ей больно от каждого лишнего движения. Она не говорила об этом, потому что рядом сидел пациент. Но я все равно видел.

— Мира.

— Нет.

— Я еще не спросил.

— Ты хотел спросить, сколько я выдержу. Ответ не поменяет твоих решений, если ты не собираешься совершать глупости. Если собираешься, я все равно совру.

Ян кашлянул.

— Командная работа стала сложнее.

— Она стала честнее, — сказала Мира.

[Вероятность лжи врача: высокая]

Мира посмотрела на экран.

— Вероятность отключения твоего бокового динамика тоже высокая.

[Динамик уже отключен]

— Тогда я найду что еще отключить.

[Угроза принята как медицинское предписание]

Ян все-таки улыбнулся. Коротко, краем рта. Потом свет впереди дрогнул, и улыбка исчезла.

— Следующий участок хуже.

На карте впереди не было нормальной дороги. Только ряд темных промежутков, похожих на зубы великана. Между ними шли плазменные полосы. На старой карте там значился широкий сервисный канал. В реальности канал рассыпался на несколько узких окон, и каждое двигалось. Достаточно быстро, чтобы заставить нас выбирать на ходу.

— Стоянка за ними? — спросил я.

— Может быть.

— Ян.

— Есть темная зона. По карте тупик, по свету вроде прикрыта. Но там может быть стена, мусор или кто-то с плохим характером.

— Нам нужен безопасный карман.

— Знаю.

Он сказал это резче, чем хотел. Потом сам себя остановил.

— Знаю, Рик. Если не найдем место, где можно остановиться хотя бы на час, левое крепление и фильтр начнут спорить между собой, кто убьет нас первым.

Я посмотрел на темную зону впереди и прикинул расклад.

Фильтр кашлял. Двигатель просил не дергать его резко. Карта требовала проверки каждым пятном света и каждой царапиной на старом металле. Мире нужен был отдых, но до первой стоянки она бы не призналась. Ян уже начинал нервничать и огрызаться. САРА молчала, потому что ее голос мог привлечь слишком много внимания. А я сидел ни жив, ни мертв.

— Идем к темной зоне, — сказал я.

Ян кивнул.

— Само собой, плохим маршрутом?

— Самым плохим из плохих.

Мира закрепила медбокс дополнительным ремнем.

На экране осталась только карта, двигатель, фильтр и маленький список правил, которые мы успели получить от Рифа за первый час.

[Одному источнику не верить]

[Идем до первой стоянки]

[Сигналы не трогать до первой стоянки]

[Мертвое железо не трогать до первой стоянки]

Последняя строка была ее добавкой. Я не стал убирать.

Плазменные полосы впереди разошлись. Ян взял первое окно слишком мягко для человека, который любит быстрые решения. Шаттл пошел в темный промежуток, скрипнул обшивкой, но удержался в проходе. Фильтр сделал еще один сухой щелчок, но поток не сорвался. Левый двигатель загудел ниже, чем раньше.

Шаттл полз в нутро Рифа, и каждое его слабое движение учило нас новым правилам. Пока мы понимали их быстрее, чем приходилось расплачиваться, у нас оставался шанс добраться до места, где можно будет остановиться и наконец отдохнуть.

Глава 2: Краткая остановка

Темная зона оказалась не карманом.

Сначала она была похожа на карман. На карте провал выглядел глухим и спокойным. Свет обходил его по краям, плазменный фон проваливался почти до серого, старые плиты закрывали нас от широкого прохода. Ян вел шаттл туда так мягко, будто боялся спугнуть тишину. Я держал левую руку на ремне кресла и не трогал панель. Правая лежала в фиксаторе и дергалась мелко, словно не моя.

Потом за серой глубиной проступил проход.

Он оказался узким, кривым, с нижним плазменным потоком и остатками старого буя у правой стенки. На старой карте буя не было. На живой картинке он висел поперек нужной линии, сорванный с крепления, без питания, без сигнала, с пустым гнездом под лампу. Рядом торчала скоба. Длинная, покореженная, с одним целым ребром.

Шаттл уже вошел слишком глубоко, чтобы разворачиваться спокойно.

Экран коротко пискнул и моргнул красным. САРА подняла три схемы. Проход. Поток. Левое крепление двигателя. Красные отметки стояли сразу на всех трех.

[Ширина прохода: критическая]

[Нижний поток: растет]

[Маневр средней тягой: высокий след]

[Левое крепление двигателя: риск срыва]

— Назад? — спросил я.

Ян покачал головой.

— Поток подхватит хвост и развернет нас боком. Потом мы красиво покажем Рифу всю левую обшивку.

— Красоту отложим.

— Поддерживаю.

Он говорил легко, только руки на панели стали чужими, точными и слишком неподвижными. В Нулевой Зоне я видел, как Ян боится. Там страх у него выбегал впереди слов. Здесь он сидел в движениях пальцев.

Мира закрепила себя дополнительным ремнем.

— До удара сколько?

САРА вывела число.

[До критического разворота: 38 секунд]

Цифра сразу стала меньше.

Строка еще не успела измениться. В голове число уже упало.

Тридцать восемь секунд хорошо звучат только там, где нет массы, инерции и плохо работающего двигателя. В проходе они означали два решения, одно исправление и одну ошибку, которую уже не успеешь назвать. Я ткнул пальцем в пустой край экрана, куда САРА еще не успела положить расчет.

— Варианты?

САРА показала первый. Средняя тяга, резкая поправка, выход через левый край. След высокий. Крепление могло выдержать, а могло отпустить двигатель в самый неподходящий момент. Второй вариант был похуже. Сдать вниз, потереться нижней обшивкой о мусорный слой, подставить брюхо потоку и надеяться, что не найдем там острый кусок чужой истории.

Третий вариант САРА не вывела.

Но я видел его сам. Скоба сцепления у правой стенки. Мертвая. Достаточно длинная, чтобы зацепить внешний маневровый кронштейн. Достаточно близкая, чтобы использовать ее

как упор. Если бы в ней оставалось питание, САРА уже попробовала бы дернуть ее полем или коротким импульсом. Но питания не было, сама скоба держалась в стене на честном слове.

Новый класс отозвался раньше, чем я успел позвать его.

Он пришел ощущением, без окна.

Сухое знание легло на ладонь. Там мертвое. Им можно управлять.

После зеленого ядра я уже понял, что это знанием не обязано управлять снаружи. Оно умело идти изнутри.

Я убрал левую руку с ремня. Мира заметила сразу.

— Рик, не лезь в это.

— Другого варианта нет.

— Ты не знаешь, что оно возьмет с тебя.

— Знаю достаточно. Тяга нас выдаст. Нижний слой может порвать днище. Скоба, если удержит, даст нам угол.

— Если удержит.

— Да. Но у нас сейчас все держится на этом «если».

Правило с экрана еще висело внутри: мертвое железо не трогать до стоянки. Мы нарушали его не потому, что мне захотелось проверить класс. Просто до стоянки нужно было сначала дожить.

Ян коротко кивнул, не отрываясь от панели. Это было не разрешение на эксперимент, а согласие на единственный рабочий шанс. САРА не вывела запрет, только оставила на экране риск по креплению. Мира посмотрела на цифры, на мою руку и сжала губы. Не согласилась, но приняла возможные последствия вместе с нами.

Мира включила сканер. Голос стал жестким.

— Работает коротко и только вручную. Если рука или речь поплывет, останавливайся.

— Принято.

— Повтори.

— Работаю коротко и вручную. Останавливаюсь, если меня ведет.

Экран мигнул. Появилось окно, куда меньше прежних соблазнов.

[Мертвый узел рядом]

[Тип: силовая скоба крепления навигационного буя]

[Состояние: обрыв питания]

[Доступ: ручное поднятие]

[Автоматический захват: запрещен]

Ян не смотрел на окно. Ему некогда было. Он удерживал шаттл так, чтобы нас не снесло раньше моего маневра.

— Мне нужна стабилизация на три секунды. Четыре лучше. Пять будет роскошью, но я не капризный.

— Услышал.

На панели кресла мигнул узкий индикатор. Разъем под левым запястьем открылся. Не нейросвязь в прежнем широком смысле. Узкий ручной контакт, бедный и злой. Я положил пальцы на пластину. Кожа сразу почувствовала холод.

Грудь дернулась, будто тело вспомнило прошлый удар.

Мира заметила это раньше меня.

— Дыши нормально.

— Пытаюсь.

Мертвое железо снаружи было слишком далеко для касания как с ядром.

Но у шаттла оставался внешний маневровый кронштейн. Он шел по правому борту, цеплялся за старый сервисный выступ и мог передать импульс, если САРА держала линию доста-

точно чистой. Плохое решение, собранное из трех плохих частей. В нашем бюджете почти роскошь.

На экране появилась строка.

[Контакт через кронштейн]

— Держи канал чистым.

Желтая строка вспыхнула слишком резко для обычного подтверждения.

[Канал удерживается]

Я вдохнул.

Сначала пришел шаттл.

Только правый борт. Наружная рама, стык, нагрузка на крепления, дрожь от нижнего потока. Железо не разговаривало. Оно было усталым, перегретым по краям, поцарапанным после прошлого прохода. Я знал его не как схему, а как боль в чужом механическом суставе. Если дернуть сильнее, сорвется не сразу, но будут последствия.

Потом пришло ощущение скобы.

Пустая. Глухая. Память в ней давно погасла. Старая команда больше ничего не держала. Остался металл, который когда-то держал буй, а теперь торчал из стены, потому что Риф еще не нашел времени отломать его окончательно.

Я потянулся к ней классом. Техно-некромант. Название снова показалось плохим. Слишком громким для действия, где весь героизм сводился к просьбе к покореженному куску металла не разваливаться три секунды.

— Даю упор.

Ничего не произошло.

Одна секунда.

Шаттл повело сильнее. Ян тихо выдохнул сквозь зубы. На экране число упало.

[До критического разворота: 21 секунда]

— Рик.

— Держу.

Вторая секунда.

Мертвая скоба оставалась мертвой.

Но между моей командой и ее ответом легла узкая пауза, холодная и аккуратная. Слишком аккуратная для сломанного бую. Слишком долгая для нормальной техники. Будто скоба сначала сверялась не со мной, а с другим, более глубоким сигналом Рифа.

Потом она дрогнула. Еле заметно. Одно целое ребро пошло вперед, уперлось в наш кронштейн и застыло.

— Есть!

Ян не стал ждать красивого подтверждения. Дал малую тягу, САРА поджала угол, нижний поток ударил по днищу, но уже не развернул нас, а прижал к упору. Ремень впился мне в грудь. Левую руку свело от пальцев до локтя.

Скоба скрипнула через корпус.

Звук не мог прийти в вакууме как звук. Он пришел прямо в голову нагрузкой, дрожью, чужой болью в металле. Три секунды она держала нас. На четвертой правый кронштейн начал гнуться. На пятой Ян вывел нос в узкую щель между потоком и стенкой.

— Отпускай!

Я разжал пальцы.

Контакт оборвался не сразу.

На полсекунды скоба еще держала, хотя я уже убрал команду. Потом ребро отскочило обратно, не выдержало собственного движения и отломилось. Кусок металла ушел вниз, в плазменный поток. Вспышка снизу проглотила его без следа.

Шаттл вышел из прохода. Криво, с новым скрежетом по правому борту и красным предупреждением по кронштейну. Но вышел.

Ян сжал панель так крепко, что пальцы побелели.

— Прошли.

Мира уже была надо мной.

— Рик, говори. Проверяю речь.

— Я здесь.

— Где здесь?

— В шатгле. Риф. Узкий проход позади.

— Что ты поднял?

— Анимировал скобу старого буя.

— Сколько скоба держала?

Я перевел дыхание. Грудь болела от ремня. Левая рука дрожала крупнее, чем до контакта.

— Пять секунд. Две до ответа. Полсекунды после команды.

САРА вывела строку.

[Фактическое удержание: 5,6 секунды]

[Задержка отклика: 2,1 секунды]

[Остаточное удержание после разрыва: 0,4 секунды]

— Спасибо за точность.

Экран мигнул.

[Точность сейчас неприятнее благодарности]

Мира не отрывалась от сканера.

— Боль?

— Рука. Глаза. Грудь от ремня.

— Тошнота?

— Нет.

— Провал памяти?

— Нет.

— Желание повторить?

Я непонимающе посмотрел на нее.

— Что?

— Проверяю самую опасную функцию.

Ян коротко рассмеялся и сразу смолк.

Смех получился нервным. После такого прохода любой звук кажется лишним, даже если идет только внутри шаттла.

— Нет. Желания повторить нет.

Мира кивнула.

— Хорошо. Значит, пока ты еще человек, а не ходячая инструкция.

Голос был спокойным. Но сканер она не убрала.

САРА убрала окно класса, но оставила три строки с задержкой. Не дала им исчезнуть.

Ей тоже был важен не успех, а пауза.

— САРА, выдай версию.

Ответ пришел текстом, без привычной шутки.

[Версия отсутствует]

[Гипотезы: недостаточно данных]

[Повторять без необходимости не рекомендуется]

— Очень аккуратный способ сказать, что тебе страшно.

Пауза вышла длиннее обычной.

[Я не боюсь]

Еще одна пауза.

[Я фиксирую риск раньше, чем ты придумаешь ему удобное имя]

Вот теперь похоже на нее.

— Зафиксируй.

[Зафиксировано]

Ян наконец отпустил панель одной рукой и размял пальцы.

— Нам нужна стоянка, Рик. Не потом. Сейчас.

— Вижу.

— Не уверен. У тебя вид такой, будто ты думаешь о скобе.

— Думаю.

— Прекрати думать глобально. Думай локально. У нас кронштейн погнут.

На экране уже висела новая схема.

[Правый маневровый кронштейн]

[Деформация: умеренная]

[Повторная нагрузка: запрещена]

[Внешний осмотр: требуется]

Мира добавила.

— И твоя рука.

[Тремор левой руки: усилен]

Я посмотрел на вторую строку.

— Ты теперь и ее через САРУ пишешь?

Она закрепила датчик выше запястья. Кожа под ним горела. Не от температуры. От того, что нервная система решила напомнить, сколько стоит спор с мертвым железом.

В проходе позади нас вспыхнул нижний поток. Там, где была скоба, теперь ничего не держало старый буй. Может, через час весь кусок стены оторвет. Может, через год. Для Рифа разница не имела значения. Для нас имела. Мы использовали чужой мертвый узел и сломали его окончательно.

Большая мораль тут не требовалась.

Просто факт. Факты такого рода копятя тише вины и потом тяжелее лежат.

— Что с буюм? — спросил Ян.

САРА показала серую отметку.

[Силовая скоба: разрушена]

[Буй: дрейфует]

[Сигнал: отсутствует]

Это прозвучало будто для меня, хотя Ян оправдывал себя.

— Он и до нас был мертвым.

— Был.

— Мы его не убили.

— Нет. Но мы использовали его так, что он окончательно сломался.

Мира посмотрела на нас обоих.

— Вот это и надо помнить. Не убили, но использовали.

Вот за что я ценил ее в плохие минуты. Мира не давала чужой вине стать твоей. И не давала оправданию стать важнее всего остального.

— Запишем как есть.

САРА добавила строку в журнал.

[Поднятие мертвого узла: выполнено]

[Назначение: спасение шаттла]

[Побочный результат: разрушение навигационного буя]

— Не надо так бухгалтерски.

САРА вывела строку на общем экране.

[Бухгалтерия лучше героизма хранит причины]

Ян хотел ответить колкостью, но проход впереди опять сузился. Он вернул обе руки на панель.

Риф не смотрел. Не делал выводов. Не обижался на сломанную скобу. Плазменные полосы шли по своим законам, старые конструкции дрейфовали, датчики ввали с прежним усердием.

И все равно на карте появилось больше серого шума. САРА уменьшила масштаб. Шум не исчез. Он лежал вокруг нас тонкой рваной пленкой. Так бывает после плохого контакта, когда система слишком долго смотрит в одну сторону и начинает видеть не только предмет, но и след своего взгляда.

— Наш след сильно заметен? — обратился я к ИИ.

САРА не сразу ответила.

[Частично]

— Остальное откуда?

[Фон Рифа]

— Его стало больше.

[Раньше мы не трогали мертвое железо Рифа]

Мира услышала и подняла глаза.

— Объясни простыми словами?

САРА вывела ответ медленнее обычного.

[После поднятия скобы окружающий шум стал лучше различим]

[Неясно, мы стали виднее или начали видеть больше]

— Замечательно. Значит, либо нас стало лучше видно, либо мы сами начали видеть лучше.

— Есть третий вариант.

— Какой?

— И то и другое.

Он посмотрел на меня через плечо.

— Ты умеешь объяснить так, что легче не становится.

— Зато бесплатно.

Мира оборвала нас.

— Хватит. Оба.

Мы замолчали.

Ее тон не был громким, но в нем не осталось места для шуточной перепалки. Мира смотрела на мой сканер и на карту одновременно, и ей не нравилось ни одно.

— Рик, ты не работаешь с классом до стоянки.

— Если проход не убьет нас раньше.

— Если проход будет убивать нас раньше, сначала мы пробуем тягу, мусор, крюк, сброс груза, любой обычный способ. Класс последним.

— Сброс груза?

— Я сказала список возможностей. Не план.

Ян осторожно поднял руку.

— Чтобы сбросить что-то ненужное, его сначала стоит получить. Я против сбрасывать еду. Просто озвучиваю мысли вслух.

Мира посмотрела на него поверх сканера.

— Если придется выбирать между едой и живыми людьми, ты сам выбросишь ящик с едой.

Ян опустил руку.

— Ненавижу хорошую аргументацию.

Экран коротко пискнул. На нем появилась новая запись.

[Правило Рифа II]

[Класс последним]

Я усмехнулся.

— Ты стала записывать правила без спроса.

[Кто-то должен]

Спорить с этим было трудно.

Мы прошли еще один короткий изгиб. Шаттл больше не цепляло, но поток тянул за хвост, будто хотел проверить, не осталось ли у нас другой скобы. Я держал руки на виду. Не из дисциплины чтобы Мира видела, и чтобы я сам видел. Иногда человек не выбирает плохое решение только потому, что положил руки туда, где за ними следят.

Через семь минут темная зона начала расширяться.

Свет ушел выше. Нижний поток ослаб. Стены разошлись на несколько лишних метров, и эти метры показались почти богатством. На карте справа проявилась тень старого технического тупика, но контур дрожал и распадался каждый раз, когда плазменная полоса проходила за стеной.

Ян не поверил сразу.

— Проверю, что там на самом деле.

САРА дала ему две кривые наложения. Старый план и текущий контур не совпадали. Внутри вроде хватало места для шаттла, но обломки у дальней стенки двигались вместе с потоком. Не быстро. Достаточно, чтобы слово стоянка звучало преждевременно.

— Место плохое.

— Насколько плохое?

— Если встанем глубоко, нас может запереть. Если останемся у входа, нас будет дергать потоком.

— Сколько оно нам даст?

Он долго смотрел на карту.

— Несколько минут. Не часов.

— Тогда берем что есть.

Вход в потребовал двух малых поправок и одной длинной паузы, когда шаттл дрейфовал, а мы ждали, пока полоса мусора пройдет мимо.

Наконец, шаттл вошел в тень.

Внешний свет просел, но не исчез. Карта удержалась в одном положении несколько секунд. Ян продолжал держать руки над панелью, хотя САРА уже вывела временное окно.

[Относительная стабильность]

[Маневры: временно прекращены]

[Окно паузы: 5 минут]

— Без активного маяка нас будет сложнее найти.

— Сегодня нам лучше никому не показываться.

— Пока живы, пусть будет так.

САРА погасила тягу. В корпусе осталась мелкая дрожь. Она не ушла, только стала ровнее. Фильтр кашлянул почти сразу.

Мира закрыла глаза на полсекунды.

— Конечно.

— Сначала проверим фильтр.

Она открыла глаза.

— Нет. Сначала ты.

— Фильтр важнее меня.

— Поэтому я должна понимать, сможешь ли ты не лезть в него классом через пять минут. Я хотел сказать, что фильтр живой, работающий и не подходит под класс. Потом вспомнил скобу, которая держала на полсекунды дольше команды, и не стал спорить о границах так уверенно.

Мира проверила зрачки, пульс, руку, дыхание. Сканер молчал так долго, что Ян начал притопывать носком ботинка у панели.

— Перестань.

— Я ничего не делаю.

— Ты проявляешь агрессию к полу.

— Пол не жалуется.

САРА вывела.

[Пол занят выживанием]

Мира наконец убрала сканер.

— Живой. Перегруженный. Левая рука хуже, чем была. Следующие два часа без класса.

— Два?

— Три, если торгуешься.

— Два часа я понял.

— Уже три.

Ян тихо хмыкнул.

— Никогда не торгуйся с врачом, который держит твоё обезболивание под замком.

— Запомню на следующую жизнь.

САРА вынесла на главный экран список срочных работ.

[1. Центральный фильтр]

[2. Левое крепление двигателя]

[3. Правый маневровый кронштейн]

[4. Внешний слой обшивки]

[5. Пересчет воды и еды]

Пять пунктов.

Ни одного лишнего.

И ни одного, который можно было просто оставить на потом.

Мира ткнула пальцем в первый пункт.

— Начинаем с фильтра.

Ян посмотрел на строку двигателя.

— Я бы начал с двигателя. Если он сорвется, фильтру уже будет нечего очищать.

САРА вывела.

[Воздух выигрывает спор]

— САРА права. Без воздуха мы не доживем до ремонта двигателя.

Мира открыла панель центральной очистки. Раньше для такой работы у нас был бы нормальный доступ, свет, место для инструмента и возможность не держать локоть над пакетом с едой. Теперь панель открывалась в проход, где мог стоять только один человек, а второй должен был подавать инструмент через сиденье.

Ян пролез в проход, пригнулся под запасным шлемом и принял у нее первый инструмент. Двигался неловко, но старался быть полезным тихо. Получалось хуже, чем шутить, но лучше, чем сидеть и думать о мертвой скобе.

Я остался в кресле.

Самое трудное в плохой ситуации часто не действие. Труднее не делать лишнего, пока другие работают: сидеть, когда фильтр кашляет, двигатель висит на большом креплении, а за стенкой лежит мертвое железо, которое уже один раз ответило.

Я попробовал сосредоточиться. Скоба ответила через две секунды. Не сразу.

Я снова уперся в эту паузу. Две секунды в обычной работе почти ничего не значат. В проходе они едва не убили нас. В мертвом железе звучали как вопрос, хотя вопроса быть не должно.

Что скоба слушала? Чью команду?

Экран мигнул так резко, что я вздрогнул.

[Не уходи туда, откуда не вернешься]

Я посмотрел на камеру.

— Ты читаешь мысли?

[Нет]

[У тебя пульс становится медленнее]

— Хорошая диагностика.

[Зато работает]

Я заставил себя смотреть не на серые остатки прохода на карте, а на фильтр. Мира сняла крышку. Внутри центральный картридж выглядел хуже, чем строка на экране. На ребрах сидела темная пыль, похожая на мелкий стеклянный песок. Риф уже вошел к нам внутрь пылью в фильтре.

— Вот почему кашлял.

Мира аккуратно провела щупом по ребру.

— Не трогай пальцами.

— Я похож на самоубийцу?

Она повернула голову.

Ян поднял руки.

— Снимаю вопрос.

САРА приблизила изображение пыли.

[Состав: не определен]

[Фракция: мелкая]

[Риск для легких: высокий]

[Риск для картриджа: высокий]

— Давайте назовем ее рифовой пылью.

— Красивое название потом. Сейчас перед нами дрянь, которая забивает фильтр.

— Есть запасной картридж?

Она достала небольшой контейнер, проверила пломбу, помолчала.

— Один подходит без переделки. Второй можно подогнать. Третий только для скафандра, не для контура.

Ян медленно выдохнул.

Я сидел и считал уже без экрана. Один подходящий запасной на центральный контур. Второй под переделку, а переделка требует времени, инструмента и рук, которые не дрожат. Третий в скафандр. Значит, пока шаттл был нашим единственным домом, воздух держался на одном нормальном картридже и упрямстве. Никакой страшной легенды. Просто плохая арифметика.

Экран коротко пискнул.

[Окно паузы: 2 минуты]

— Закрываем панель.

— Уже?

— Я не меняю картридж в месте, которое через две минуты начнет нас жевать.

Ян закрепил панель обратно, оставив на корпусе яркую метку для себя. Памятка для следующего места, где руки смогут работать дольше девяти минут.

Снаружи тихо стукнуло по корпусу.

Все замерли.

Удар был слабым. Без аварийного рывка. Один сухой контакт. Потом второй.

САРА показала внешнюю камеру. Мелкий кусок мусора плыл мимо входа в тень, ударялся о старую стену, отскакивал, снова ударялся. Не к нам. Пока не к нам. За ним световая полоса пошла шире, и временная тишина стала рассыпаться.

— Время вышло.

— Уходим.

Мира закрепила медбокс и вернулась в кресло.

Шаттл снова пошел вперед. Тень выпустила нас неохотно, нижний поток дернул хвост, но Ян удержал курс обычной тягой.

Впереди свет сгущался в широкую неровную полосу. Карта уже начинала врать по краям, и САРА убрала старые контуры, оставив только то, что видела сейчас. Настоящей стоянки у нас все еще не было. Зато был забитый фильтр, погнутый кронштейн и наваливающаяся усталость.

Глава 3: Световая полоса

Световая полоса началась с маленькой ошибки карты.

На экране стенка стояла слева. В реальности она вспыхнула справа. Ян успел сдвинуть нос шаттла до того, как САРА выдала предупреждение. Нижний поток прошел по днищу мягко, почти ласково, но от этой мягкости стало еще хуже. Риф уже показал, что умеет бить. Теперь он показывал, что умеет врать без удара.

— Карта опоздала. Стена уже была справа. Хорошо, что я смотрел на стенки, а не на то, как старый план делает вид, будто он еще актуален.

Экран коротко пискнул, и САРА вывела новую схему. Старые контуры ушли серым. Текущие держались белыми рваными линиями, но каждая такая линия дрожала от света.

[Оптическая перегрузка]

[Датчики ближнего контура: задержка]

[Старый план: ненадежен]

— На сколько отстают датчики?

[От 0,4 до 1,8 секунды]

Ян тихо свистнул.

— Для мертвого буя почти вечность. За такое время он успеет соврать, передумать и еще раз соврать для надежности.

— Для живых тоже.

Мира сидела боком, чтобы видеть и меня, и свой сканер. После прошлого контакта сканер поселился у нее в руке так уверенно, будто стал частью кисти. Правая рука у меня была в фиксаторе, левая лежала на ремне. Я специально держал ее там, где Мира могла ее видеть. Иногда дисциплина начинается не с характера, а с того, что тебя поймали слишком много раз.

— Класс не трогаю. Нейросвязь тоже.

— Я не спрашивала про обещания. Я смотрю, не выдает ли тебя рука. Рука обычно честнее.

Я разжал пальцы на ремне. Не потому, что она приказала. Потому что она была права.

— Так лучше?

— Лучше. Теперь дыхание выровняй. Мне нужен пациент, который следит за дорогой, а не своей упрямой левой кистью.

Я посмотрел на экран. Карта снова дрогнула и мигнула желтым. Ян уже повел шаттл ниже.

Она верила не моему обещанию, а телу. Если дыхание сбивалось, любой мой план сразу становился медицинской проблемой. Я промолчал.

Свет впереди стал плотнее. Он шел широкими рваными полосами, протягивался через проход и тут же откатывался назад. Экран не выдерживал прямой вспышки и гасил часть картинки. САРА оставляла только ближайшие линии, Ян ругался шепотом и смотрел уже не на карту, а на стенки.

Ян ткнул пальцем в нижний угол экрана.

— Видишь правый край?

— Вижу только пятно.

— Не пятно. Там кронштейн. Обгорелый. Если бы проход был старый, его бы сорвало. Значит, поток здесь ходит рядом, но не прямо по стене.

— Идем по этой линии?

— Идем рядом с тем, что поток не сорвал.

САРА вывела маленькое окно.

[Логика маршрута: допустима]

Ян не оторвался от экрана.

— Спасибо.

[Не благодарность]

— А я беру то, что дают.

Он вел шаттл по чужим следам, которых я почти не видел. Обгоревший кронштейн. Темная полоса на плите. Несколько ровных царапин ниже, чем мог оставить случайный мусор. В одном месте на металле тянулись старые точки от микросварки. Кто-то когда-то крепил там временный маяк или ловушку, потом снял. Или не снял, а Риф сжег все лишнее. Ян видел путь там, где я видел грязь. После потери своей капсулы он не стал молчуном. Он просто перестал бросать слова в пустоту. Болтовня осталась там, где помогала: закрыть страх, подцепить чужую реакцию, выиграть секунду. А на маршруте он собирал ее в короткие команды и редкие, злые пояснения.

— Левее.

САРА дала малую тягу.

— Еще.

Шаттл сдвинулся. Левое крепление двигателя ответило низким гулом.

[Вибрация левого крепления: рост]

Мира посмотрела на меня, будто это я гудел.

— Я не трогал.

— Я запоминаю выражение лица.

— Какое?

— То, где ты решаешь вмешаться или нет.

Я хотел сказать, что она ошибается. Не сказал. Потому что она не ошибалась.

Световая полоса ударила по носу.

Экран побелел.

Ян не дернулся. Он закрыл глаза. Намеренно, на долю секунды раньше вспышки. Потом открыл, когда экран еще не вернулся, и вел шаттл по памяти движения. САРА не спорила. Значит, уже поняла, что сейчас человеческие глаза, которые успели увидеть до света, лучше слепого датчика после света.

— Три градуса вниз.

САРА подала импульс.

— Держать.

Вспышка ушла. Карта вернулась с новой стеной прямо перед нами. Я сжал ремень. Шаттл прошел в двух метрах от нее.

Двух метров в космосе обычно хватает для спокойствия. В узком рифовом проходе такое расстояние выглядело как оскорбление здравого смысла. По правому борту прошла сухая дрожь от мелкого мусора. Он скользнул по внешней раме, проверил, есть ли у нас лишняя обшивка, и улетел дальше.

САРА вывела.

[Новый контакт]

[Повреждение: не подтверждено]

[Правый кронштейн: не нагружать]

— Мы его и не нагружаем.

[Риф не обязан уважать наше виденье ситуации]

— Запиши это третьим правилом.

САРА не стала. Видимо, правила тоже надо заслужить.

Впереди проход расходился на три темные щели. Карта показывала две. Датчики показывали вообще одну. Свет шел через все три, но разными кусками. В правой щели вспышки были реже, зато там плавал крупный мусор. В средней свет бил чаще, но стенки выглядели ровнее. Левая уходила вниз и почти сразу терялась в сером шуме.

Средняя щель выглядела почти приглашением. Именно это и настораживало. Ян даже не посмотрел в мою сторону. Весь он был в трех щелях впереди.

— Средняя просится сама. Вот это мне и не нравится.

— Теперь плохо, когда дорога не пытается нас убить? — уточнила Мири.

— Возможно, чистая дорога значит, что ее либо недавно прожгло, либо кто-то чистит ее для себя.

Мира не спорила с маршрутом.

— Оба варианта плохие.

САРА вывела.

[Правая щель: риск контакта]

[Средняя щель: риск световой перегрузки]

[Левая щель: данных недостаточно]

Я посмотрел на Миру.

— Мира, что скажешь?

— Правая. Если ударимся о мусор, я хотя бы пойму, что сломалось. Если нас ослепит в средней, мы будем гадать уже после.

— Ян?

Он чуть качнул головой, будто это и было подтверждением.

— Именно. Берем правую.

— Там мусор.

— Вот поэтому и берем. Мусор хотя бы ведет себя понятнее, чем красивая пустота.

САРА мигнула подтверждением.

Я не стал произносить приказ красиво. Просто дал короткую команду.

— Идем правой.

Мусор в правой щели оказался не россыпью, а медленным потоком старых крепежей, обломков плит и тонких стекловидных кусков, похожих на сломанную плазменную корку. Они шли вместе с легким боковым течением. Ян ввел шаттл под углом, чтобы поток скользил вдоль, а не бил в лоб. САРА считала мелкие угрозы так быстро, что экран превратился бы в кашу, если бы она все показывала. Она оставляла только то, что могло убить нас в ближайшие пять секунд. Хороший способ почувствовать заботу.

Фильтр снова щелкнул.

Мира не повернулась. По ее плечам было видно, что она уже ждала этого звука.

— Слышу фильтр.

— До следующей паузы дотянет?

— Дотянет, если следующая пауза не является фантазией.

Ян дернул уголком рта.

— Работаю над фантазией.

На внешней камере мелькнула новая группа царапин. Они не складывались в ровную метку или знак. Скорее показывали, как кто-то раньше протащил корпус или контейнер по этой щели. Ян увидел и сразу поменял угол.

— Идем за этим следом.

Я всмотрелся в грязную картинку и не сразу понял, что именно он поймал.

— За каким следом?

— За длинной полосой. Видишь?

— Вижу.

— Крупный груз здесь уже проходил. Его не развернуло. Если он шел с двигателем, то поток терпимый. Если его тащили, тем более.

— А если он потом умер за тем поворотом?

— Тогда мы скоро об этом узнаем.

Мира скосила на меня взгляд.

— Умеешь поддержать.

— Я экономлю ложь. Вдруг дальше понадобится.

В углу экрана мигнула строка.

[Ложь как ресурс: спорно]

— Не сейчас, САРА. — прокомментировал Ян.

Она убрала строку. Поняла, что экран сейчас принадлежит дороге.

Правая щель сузилась.

Свет здесь был слабее, но грязнее. Он отражался от каждой пылинки, от каждого куска плазменной корки, от старых царапин, от нашей же внешней рамы. Картинка не гасла, а множилась. На секунду я перестал понимать, где стена, где отражение, где мусор перед нами, а где повтор на испорченном датчике.

Ян вел по тени.

Свет врал. Тень от крупных обломков оставалась честнее, потому что она показывала, что между нами и вспышкой есть предмет. Он ловил эти тени, как другие ловят маяки. В одном месте тень дернулась не туда, и Ян сразу дал команду вниз. Через секунду сверху прошел тонкий обломок, который карта приняла за шум.

— Видел?

— Нет.

— И хорошо. Если бы успел увидеть, я бы уже поздно дернул. Там тень дернулась раньше обломка.

САРА вывела.

[Навигация по физическим теням]

[Точность: выше датчиков на текущем участке]

— Ян, не зазнавайся.

— Это будет не сложно. Слишком занят тем, чтобы нас не размазало.

— Просто веди.

— Вот этим и занимаюсь.

Даже Мира коротко улыбнулась.

Потом улыбка ушла. На панели центральной очистки загорелась желтая точка.

[Предохранитель фильтра В]

[Перегрузка]

— Мира, фильтр.

— Вижу. Уже лезу.

Она уже отстегивала боковой ремень. Двигаться в проходе при маневрах было нельзя, но сидеть и смотреть, как фильтр добывает предохранитель, тоже нельзя. Ян понял без слов и выровнял шаттл в самом широком куске щели. САРА приглушила тягу.

— У нас есть двадцать секунд чуть спокойнее. Я бы назвал это подарком, но подарок обычно не пытается тебя размазать.

— Спокойнее не значит спокойно.

— Других скидок нет.

Она добралась до панели, открыла малый кожух и дернула защитную ленту. Внутри стоял ряд тонких предохранителей. Один светился мутным желтым. Рядом лежал запасной, закрепленный в гнезде. Один. После него место было пустым.

— Предохранитель плавится.

— Меняй.

— Если сниму сейчас, фильтр на секунду уйдет в обход.

— Легким не понравится. Но одну секунду переживем. Меняй.

Она сняла предохранитель. Ничего не изменилось. Запаха не было. Вкуса тоже. Вдох стал жестче, будто горло изнутри провели мелкой тканью. Я услышал, как Ян перестал дышать ровно, как сам задержал вдох, как САРА вывела предупреждение и тут же убрала, потому что оно никому не помогало.

Мира вставила запасной. Предохранитель щелкнул. Желтая точка погасла.

САРА вывела.

[Предохранитель фильтра В: заменен]

[Запас предохранителей фильтра В: 0]

Так умирают большие планы. Без крика и без удара врага. Маленькое число становится нулем.

Мира закрыла кожух и вернулась в кресло.

— Дальше без перегрузок по фильтру.

Ян не отрывался от дороги.

— Скажи это Рифу. Я ему уже третий раз объясняю, что мы маленькие, бедные и не для героизма, но он делает вид, что не слышит.

Световая полоса впереди стала шире. Правая щель выходила в участок, где стены расходились, но света было больше. Очень много света. Он висел не ровной стеной, а рваными слоями, между которыми на доли секунды появлялась глубина. САРА уменьшила яркость экранов, но глаза все равно болели.

Я попытался отделить настоящую пустоту от световой лжи.

— Там проход?

Ян смотрел долго.

— Там много проходов. Вся проблема в этом. Свет рисует нам двери, а потом делает вид, что стенка всегда была на месте.

Старая карта больше не помогала. Она показывала один широкий коридор, а перед нами было пространство из плит, обломков, световых карманов и ложных глубин. Некоторые проходы наверняка были настоящими. Некоторые заканчивались стеной, которую свет прятал до последней секунды.

— Держим по правому следу?

— След ушел в свет. Дальше его уже не видно, и глазами там тоже почти нечего ловить.

САРА вывела.

[Рекомендация: остановка до восстановления датчиков]

Ян не дал строке повиснуть.

— Негде остановиться. Если зависнем здесь, нас либо сдует боковым, либо сварит в красивую неподвижную лепешку.

[Подтверждаю]

— Тогда не рекомендую невозможное. Мне и своих фантазий хватает.

Пауза.

[Рекомендация снята]

Ян не извинился. САРА не обиделась. В хорошей команде иногда достаточно не тратить силы на лишнюю вежливость.

Мира посмотрела на сканер, потом на мою левую руку.

— Рик.

— Я здесь.

— Телом здесь. Головой уже у того, что впереди. Я вижу по руке.

Я посмотрел на пальцы. Они уже снова сжимали ремень, будто ремень мог превратиться в интерфейс, если хватит упрямства. Я медленно выдохнул, разжал и положил ладонь плашмя.

Мира кивнула на экран.

— Глазами. Без класса. Без попытки стать еще одним датчиком.

— Глазами.

САРА коротко мигнула нижней строкой.

[Требование: Пассивное наблюдение]

— Сейчас не время для педагогики.

[Именно поэтому]

Я почти улыбнулся. Потом свет ударил так, что стало не до улыбки.

Вспышка пришла сбоку, отраженная от нескольких плит сразу. Экран не побелел целиком. Он развалился на куски. Каждый кусок показывал свою версию пространства. В одной версии впереди была стена. В другой открытый проход. В третьей темный провал. Ян выругался без слов, одним движением плеча.

— Переходим на ручное зрение. Да, звучит как плохая идея, но остальные варианты уже умерли.

— Что значит ручное? — уточнила Мира.

— САРА, убери всю обработку видео, все что не с камеры. Мне сейчас нужна грязная правда, а не три слоя умной лжи.

САРА подчинилась.

С карты исчезли линии, расчеты, старый план, серые контуры. Осталась грязная внешняя камера, почти слепая от света. Ян наклонился к ней так близко, будто мог продавить взглядом экран.

— Рик, озвучивай мне только крупное. Не объясняй, не думай за меня, просто называй то, что может нас ударить. Мира, если он начинает говорить лишнее, бей.

— Есть. Но сначала словом.

Мы вошли в свет. Граница прошла по корпусу дрожью. Левый двигатель загудел ниже. Ян вел короткими поправками, почти незаметными. САРА показывала только камеру и три маленьких состояния внизу. Воздух. Тяга. Корпус. Все остальное ушло в темноту интерфейса.

Я говорил только то, что видел.

— Сверху крупный обломок. Медленно.

— Вижу.

— Справа темнее. Возможно, проход.

— Нет, тень от плиты.

— Слева свет режет стену.

— Там и пойдём.

— Там свет.

— Свет проходит, значит, есть щель.

Он был прав. Щель открылась на три секунды. Ян поймал ее, САРА дала малую тягу, и шаттл протиснулся между двумя стенами, которые на карте даже не успели появиться.

За щелью нас встретил мусорный поток.

Поток был небольшим, зато быстрым. Мелкие куски били по внешней раме как сухой град. САРА зажала часть предупреждений, оставив только самые опасные.

[Повреждение внешнего слоя: рост]

[Герметичность: держится]

[Правый кронштейн: контакт запрещен]

— Герметичность держится.

Мы шли дальше. Свет бил по глазам, даже через экран. От него начали болеть зубы. Может, на самом деле болела челюсть, потому что я слишком крепко ее держал. Риф не обязан быть справедливым к сенсорике.

В одном месте Ян резко отвернул от гладкого темного провала.

Я не увидел причины маневра и только крепче сжал ремень.

— Почему?

— Там нет мусора.

— И что это значит?

— Вся пыль вокруг идет туда и исчезает. Значит, там поток сильнее, чем видно.

Через секунду из провала вышла световая струя. Тонкая, почти белая. Она ударила по стене справа и оставила на металле яркое пятно, которое тут же остыло до темного. Если бы мы вошли туда, шаттл не успел бы даже красиво вспыхнуть.

Мира тихо выдохнула.

— Хорошо, что увидел.

Ян не ответил сразу.

— Не я. Мусор. Я просто наконец-то работаю с собеседником честнее карты.

— Все равно ты это увидел.

Он кивнул. Маленькая похвала дошла. Я видел по плечам. В этом шаттле уже не было места для лишнего груза, но для таких вещей место находилось.

Экран коротко пискнул.

[Тепловой скачок впереди]

[Вспышка вероятна]

— Сколько?

[3 секунды]

Ян ответил одним словом.

— Глаза.

Мы все отвернулись от прямого экрана, кроме него. Он смотрел вниз, на отражение в темной части панели. Свет ударил через три секунды.

Вспышка пришла иначе и не ослепила сразу.

Она открыла пространство.

На одну секунду Риф стал огромным. Камера перестала показывать только проход, щель и грязные линии у носа. Перед нами раскрылась глубина, где плазменные полосы висели между старыми плитами, а за ними, дальше и чуть выше нашего курса, стоял большой неподвижный силуэт.

Слишком ровное для скалы.

Слишком длинное для случайного обломка.

Корпус.

Я успел увидеть только силуэт. Вытянутое темное брюхо, короткий нос, боковую гондолу или то, что когда-то было гондолой. На секунду свет прошел по верхней кромке, и там появилась прямая линия, невозможная для природного камня. Потом вспышка сорвалась, глубина закрылась, и экран снова стал грязной близкой дорогой.

— САРА, азимут!

Она уже писала.

[Азимут сохранен]

[Отклонение от текущего курса: 34 градуса вправо, 11 градусов вверх]

[Дистанция: не подтверждена]

— Повтори на резерв.

[Сохранено в серый буфер]

[Дублировано в локальную память]

Ян выдохнул так, будто его ударили позже, чем остальных.

— Вы это видели? Скажите, что это был не мой мозг, который решил так пошутить.

Мира говорила спокойно, но сканер в ее руке дрогнул.

— Да. Видела.

— Большой корпус. Не кусок, не плита. Корпус.

САРА вывела.

[Классификация невозможна]

— Я не спрашивал классификацию.

Ян уже смотрел не туда, где был силуэт, а на наш текущий проход.

— Не сейчас. Даже не думайте. Я видел, как вы оба посмотрели в ту сторону. Нет. Мы туда не летим на шаттле, который сейчас держится на упрямстве и последнем предохранителе.

— Я только смотрю.

— Смотри на дорогу. Силуэт запомнили, координаты взяли, героически погибать можно будет потом и, желательно, никогда.

Мира не опустила сканер.

— И не идем к нему сейчас. У нас фильтр без запаса, перегруженное крепление и один пилот, который делает вид, что у него не дрожат плечи.

Экран коротко пискнул.

[Маршрут к силуэту: не строить]

[Причина: текущий шаттл не готов]

— Спасибо.

Свет вокруг снова стал близким и агрессивным. Большой корпус исчез, будто его никогда не было. Только строка с азимутом осталась внизу экрана. Я смотрел на нее дольше, чем надо.

Тридцать четыре градуса вправо. Одиннадцать вверх.

До цели было рано.

Пока перед нами лежало только направление к вопросу.

Мира заметила мой взгляд.

— Рик.

— Вижу дорогу.

— Нет. Ты отвечаешь мне, а сам держишь в голове тот корпус. Я вижу это по дыханию.

— Уже нет.

— Именно. Раз уже нет, не тянись за ним внутри головы.

Я заставил себя перевести взгляд на текущую камеру. Стена слева. Мусор справа. Ян ведет шаттл через свет, фильтр держится на последнем замененном предохранителе, кронштейн погнут, левая рука дрожит на ремне. Огромный неподвижный силуэт не решал ни одной из этих проблем. Он только обещал новые, если потянуться слишком рано.

— Смотрю на дорогу.

Ян кивнул.

— Вот ее и держи. Корпус никуда не денется, а мы можем.

Мы прошли еще один световой слой. Потом второй. На третьем САРА снова вернула часть карты, но старые контуры так и не включила. Теперь карта строилась только из того, что мы видели сами. Маленькая, бедная, живая. Левое крепление гудело, но держало. Внешний слой обшивки получил еще несколько мелких ран, но воздух оставался внутри.

Световая полоса начала редеть.

Она еще не заканчивалась, но становилась менее плотной. Между вспышками появились темные промежутки, в которых можно было успеть думать не только о следующей секунде. Ян нашел один такой промежуток и вывел шаттл в него боком, почти без тяги. На экране появилась серая зона впереди. До стоянки она не дотягивала. Скорее обещала, что где-то рядом может быть место, где Риф на несколько минут перестанет жевать корпус.

— Дальше будет тише. Не праздник, не курорт, просто Риф перестанет орать светом прямо в лицо.

— Насколько?

— Не знаю. Но если следующие десять минут нас будут пытаться убить обычными способами, я готов считать это улучшением.

САРА вывела.

[Поиск стабильного кармана: активен]

— Ищем карман без дальнего сигнала.

[Без дальнего сигнала]

Я снова посмотрел на азимут.

САРА не убрала строку.

— Оставь азимут.

[Оставляю]

— Но маршрут не строй.

[Не строю]

Мира убрала сканер чуть ниже.

— Хорошо.

Свет позади мигнул еще раз. Слабее. На мгновение в экране снова появилась глубина, но силуэта уже не было видно. Только темные плиты, мусор и проход, который уходил вперед. Риф закрыл то, что показал. Может, случайно. Может, потому что в этом месте все показывается только на секунду и только тем, кто и так занят выживанием.

Глава 4: Первый карман

Стабильная бухта нашлась не там, где хотелось.

Хотелось рядом с чистым проходом, с широким выходом, без мусора у стен и без света, который каждую минуту грел обшивку. Риф таких мест не предлагал. Он вообще ничего не предлагал. В одном из темных промежутков поток за плитами стал слабее, экран перестал дрожать, а САРА осторожно моргнула желтым.

[Вероятная зона низкого потока]

[Маневры после входа: можно прекратить]

[Оценка окна: 3,5 часа]

Ян посмотрел на строку, потом на саму картинку.

— Слишком хорошо.

Мира прищурилась на цифру.

— Три с половиной часа теперь хорошо?

— После девяти минут уже хорошо.

На камере место выглядело как старая техническая щель между двумя плитами, заваленная с дальнего края спрессованным мусором. Когда-то там мог быть сервисный проход или карман для ремонтного бую. Теперь вход был узким, стены неровными, дальний край закрывали обломки. Снаружи свет бил по верхнему краю, но внутрь почти не проваливался. Плазменный поток шел мимо, не через нас.

Ян провел пальцем по узкой щели на экране.

— Выходить придется тем же путем, только задним ходом.

САРА подтвердила.

[Выход: один]

[Разворот внутри: невозможен]

[Выход задним ходом: возможен]

— Если обломки сдвинутся, нас запечатает.

Я посмотрел на дальний край кармана. Обломки лежали слишком плотно, чтобы верить им до конца.

— Они могут сдвинуться?

Ян смотрел дольше обычного. Для него это уже было ответом.

— Не сейчас. По крайней мере, я не вижу, чем их дернет. Но после входа мы уже не сможем просто развернуться.

Мира наклонилась к своему сканеру.

— Фильтр не выдержит еще несколько часов поиска.

САРА вывела рядом состояние центральной очистки. Желтая полоска лежала почти у красной.

[Центральный фильтр]

[Засорение: критическое]

[Ручное обслуживание: требуется]

Я посмотрел на азимут силуэта. Строка все еще висела внизу экрана. Тридцать четыре вправо, одиннадцать вверх. Большой корпус мог быть спасением, ловушкой, старым грузовиком, чужим кладбищем или всем сразу. Сейчас он не мог заменить фильтр.

— Тогда входим.

Ян кивнул.

— Медленно. Хвост к выходу, нос к мусору. Если я скажу «назад», сразу уходим.

— Принято.

— Я это всем. Особенно тем, кто после команды начинает объяснять.

САРА коротко пискнула.

[Предупреждение принято для всех]

Шаттл шел в карман почти без тяги. Ян вел его хвостом к выходу, носом к дальним обломкам. САРА убрала все лишнее с экрана, оставив дистанцию до стен, состояние двигателя и фильтр. Правый кронштейн она вообще не трогала. После скобы его лучше было не нагружать без необходимости.

Свет снаружи задел нас по верхней обшивке. Корпус ответил тонкой дрожью. Я почувствовал ее раньше, чем САРА вывела предупреждение.

[Внешний нагрев]

[Порог: допустимо]

— Допустимо не значит приятно.

[Согласна]

Шаттл вошел глубже.

Свет пропал.

По краям камеры еще оставались грязные рыжие вспышки, но основная картинка стала темной и ровной. После световой полосы темнота выглядела не покоем, а отсутствием удара. Для начала хватало.

— Фиксируемся.

САРА выдала короткую серию малых импульсов. Шаттл ткнулся носовой рамой в старый мусорный слой, не ударился, а прижался к нему остаточным импульсом. Внутри осел крепеж. Пакеты воды качнулись и затихли. Фильтр кашлянул один раз, напоминая, с чего придется начинать.

[Маневры прекращены]

[Внешняя видимость: снижена]

[Оценка окна: 3 часа 22 минуты]

Понимание пришло с задержкой. Впервые за много времени я не слышал постоянной тяги.

Тишина оказалась не пустой. В ней вылезло все, что движение прятало. Шум фильтра. Неровный гул левого крепления, которое еще остывало после световой полосы. Мелкая дрожь воды в пакете у Яна. Дыхание Миры, слишком ровное для человека, у которого не болит. Мой собственный пульс.

— Работаем по порядку.

Мира уже была на ногах.

— Нет. Сначала распределяем, чтобы ты не решил, что слово «работаем» означает твои руки везде.

— Тогда говори.

Она ткнула пальцем в список САРЫ.

— Фильтр мой. Ян подает инструмент и держит карту входа. САРА считает внешние изменения и температуру. Ты сидишь, пьешь воду и говоришь, если зрение поплывет, левую руку потянет к панели или захочется тронуть классовое умение. Не после. Сразу.

— Я не собираюсь трогать класс.

— Хорошо. Значит, сообщишь, если передумаешь.

САРА добавила строку.

[Рик: не ремонтный инструмент]

Ян тихо хмыкнул.

— Полезная строка.

— Работайте, пока она не стала правилом.

Мира открыла панель центральной очистки. Теперь у нее было не двадцать секунд, а несколько часов, и движения сразу изменились. Она перестала дергаться между аварией и

запретом. Достала маленький складной лоток, закрепила его на ремне сиденья, выложила щуп, зажим, запасной предохранитель другого типа, герметичный пакет для грязного картриджа. Все выглядело бедно, но по порядку. Порядок в тесном шаттле стоил почти как лекарство.

Ян подавал инструмент осторожно. Слишком осторожно для себя. Один раз уронил зажим на край лотка, поймал его двумя пальцами и замер, будто ждал приговора.

Мира даже не подняла голоса.

— Медленнее.

— Я и так еле касаюсь.

— Еще медленнее.

Он послушался.

САРА вывела внешнюю схему кармана. Тонкий вход, мусорная стенка, верхний слой света, слабое движение обломков у дальнего края. Она считала не путь, а время. Сколько карман продержится. Сколько нагрева получит обшивка. Сколько можно держать шаттл без тяги.

Я хотел помочь.

Зуд был почти физическим. Без героизма и красоты. Сидеть и смотреть, как Мира лезет в фильтр, а Ян подает ей инструмент, было хуже, чем самому сунуть руку в грязь. Но левая рука дрожала, правая была бесполезна, а новый класс слишком легко отзывался на мысль. Иногда помощь начинается с того, что ты перестаешь быть еще одной проблемой.

Я взял пакет воды.

Мира увидела боковым зрением.

— Наконец-то.

— Не радуйся. Я могу и воду испортить.

— Главное, чтобы ты пил.

Фильтр вышел из гнезда с сухим скрипом. Такой звук ему не полагался. Внутри ребра были забиты темной пылью. Она сидела не рыхлым слоем, а плотными стеклянными прожилками. Часть этой грязи явно пришла после световой полосы.

— Пакет.

Ян подал.

Она опустила картридж внутрь, запечатала, только потом выдохнула.

САРА приблизила изображение через малую камеру.

[Пыль Рифа]

[Абразивность: высокая]

[Риск для контура воздухоочистки: высокий]

— Название уже прижилось.

Мира аккуратно уложила пакет в лоток.

— От названия дышать через нее легче не станет.

Она взяла подходящий запасной картридж и несколько секунд держала его в руках. Считала остаток. Если поставить его сейчас, воздух станет лучше. Если потом выяснится, что следующий участок забьет и этот, запасного без переделки больше нет.

— Ставь. Без него фильтр сейчас встанет.

— Я знаю.

— Тогда почему держишь его в руках?

— Потому что запасных больше нет. Сейчас ставлю.

Последний запасной картридж звучал хуже, чем просто последний. В старой базе такой картридж был бы расходником. Здесь он стал решением, которое хочется отложить.

Мира поставила картридж. Фильтр запустился с задержкой. Сначала щелкнул новый предохранитель, потом воздух пошел через контур жестко, с рывком. САРА приглушила вентилятор, Мира подкрутила ручную заслонку, Ян, не дожидаясь команды, придержал лоток, чтобы его не снесло мелкой вибрацией.

[Центральный фильтр]

[Картридж заменен]

[Поток: стабилен]

[Запас простых картриджей центрального контура: 0]

Вдох стал мягче.

Счет стал хуже.

— Воздух есть, — сказал Ян.

— Запаса нет.

Мира закрыла защелку фильтра чуть резче, чем нужно.

— Воздух все равно есть.

Экран мигнул.

[Наличие воздуха не отменяет расход картриджей]

— САРА, тебя не спрашивали.

[Уточнение полезно]

Ян тихо усмехнулся и снова посмотрел на карту входа. Обломки у дальнего края кармана сдвинулись на несколько сантиметров, потом остановились. Он не сказал ничего. Просто поставил метку на экране. Так было правильнее. Сначала запись, потом разговор, если она станет важной.

Следующим был левый двигатель.

До ремонта было далеко. САРА сняла накопившуюся тепловую нагрузку через резервный контур, Ян снизил остаточное напряжение в креплении, Мира заставила меня держать руку под фиксатором, пока я диктовал порядок. Диктовать оказалось униженно трудно. Я знал, что делать, но каждое слово проходило через чужие руки.

— Сначала боковой ограничитель.

Ян потянулся не туда.

— Не этот. Ниже. Тот, у которого край обожжен.

— Вижу. Нет, вижу не то. Сейчас.

— Сними нагрузку на четверть.

— На четверть от чего, Рик? Тут две шкалы.

САРА вывела шкалу.

— От этой шкалы. До желтой метки.

Он сдвинул.

Левое крепление ответило низким щелчком.

Все замерли.

САРА вывела.

[Напряжение крепления: снижено]

[Повторная резкая тяга: по-прежнему запрещена]

Ян посмотрел на предупреждение и поморщился.

— Хотелось бы строку повеселее.

Мира не отрывалась от крепления.

— Сделай корабль получше.

— Я над ним работаю в плохих условиях.

— И они пока выигрывают.

Потом мы занялись водой.

Вода была хуже еды. Еду можно ненавидеть, растягивать, ругаться и есть маленькими кусками. Вода заканчивалась без разговоров. САРА показала холодные участки внутренней стенки у носовой рамы, где после входа в карман села тонкая пленка конденсата. Для питья она сразу не годилась. Смесь влаги, микрпыли и того, что шаттл выдыхал с нами. Но воду из нее

можно было снять, прогнать через ручной фильтр и получить жалкие миллилитры, которые все равно лучше пустоты.

Ян посмотрел на серую пленку без всякого доверия.

— Серьезно?

— Серьезно.

Он перевел взгляд на салфетку.

— Мы будем облизывать шаттл или это называется сбором конденсата?

— Мы будем собирать конденсат стерильной салфеткой. Если тебе нужна романтика, придумай ее молча.

Ян взял салфетку.

— Если это не вода, я буду жаловаться в пустоту.

САРА вывела.

[Объем ожидаемой воды: малый]

[Но ненулевой]

Ян посмотрел на две строки и прижал салфетку к холодной пластине.

— Тогда работаем.

Мы собрали конденсат со стенки, с внутреннего края носовой рамы и с холодной пластины у старого крепления. Мира фильтровала, САРА считала, Ян ворчал, я сидел и чувствовал себя начальником очень бедной экспедиции по добыче капель. В итоге получилось меньше половины малого пакета.

Никто не пошутил, когда Мира закрепила его в сетке. Получилось слишком мало, чтобы смеяться, и слишком много, чтобы не считать.

САРА наконец подняла строку с азимутом силуэта выше.

Я заметил.

На экране прошла короткая вспышка.

[Расчет по силуэту готов]

— Я не просил расчет.

Мира даже не подняла головы.

— Пусть скажет. Иначе ты будешь считать сам, а тебе нельзя.

Ян сразу оживился.

— Я тоже хочу знать, к чему мы сейчас не полезем.

— Мы не удержались. Мы просто не могли туда лезть.

— И правильно. Запаса на дурость у нас тоже нет.

САРА вывела сборку из того, что успела снять во время вспышки. Несколько темных линий, край корпуса, провал боковой гондолы или тени, длинная ось. Рядом были цифры с большими допусками.

[Объект по азимуту 34 вправо, 11 вверх]

[Предварительная оценка: грузовой корпус]

[Класс: длинный тягач]

[Длина: 250-300 метров]

[Энергетический отклик: отсутствует]

[Статус: полностью мертв]

В шаттле стало тише.

Все захотели этот корпус. Даже Мира, которая первой говорила «нет». Двести пятьдесят метров мертвого объема в Рифе значили воздух, металл, укрытие, склад, мастерскую, санблок, место, где можно повернуться плечом и не задеть запасной шлем. Или значили ловушку такого размера, что наш шаттл потерялся бы в ней без следа.

— Длинный тягач.

Ян произнес название почти бережно. Он знал этот тип не по строке в справочнике.

САРА вывела уточнение.

[Расшифровка: рабочая лошадь]

— Даже в строке звучит прилично.

[Точность формулировки сохранена]

Я смотрел на строки.

Полностью мертв.

Раньше такие слова означали опасность и ресурс. Теперь рядом с ними появилась возможность. Не хорошая и не безопасная. Просто объем в мире, где мы сидели друг у друга на локтях и считали капли.

Новый класс отозвался не силой, а привычной тягой к мертвому железу. Большой корпус можно было поднять. Не сейчас. Но мысль уже успела шевельнуться.

Я убрал левую руку под ремень.

Мира увидела.

— Вот так хорошо.

— Я ничего не делаю.

— Именно.

Ян смотрел на схему.

— Мы можем хотя бы подойти на осмотр после кармана? Не внутрь. Дуга, дальняя камера, один взгляд на борт, если окно удержится.

Мира даже не подняла сканер.

— Нет.

Он посмотрел на меня.

Я выдержал его взгляд.

— Я тоже против.

— Я спросил не про вход. Только посмотреть. Без стыковки, без попытки трогать его классом.

— У нас фильтр с последним простым картриджем, кронштейн погнут, обшивка ранена, левое крепление нельзя дергать, а ты хочешь идти к мертвому грузовику в Рифе, который мы видели одну секунду.

— Когда ты так раскладываешь, звучит хуже.

Он потер переносицу двумя пальцами и снова посмотрел на серый азимут.

— Ладно. Отложили.

САРА убрала схему, но оставила азимут в сером буфере.

[Маршрут к объекту: не строить]

[Причина: текущие повреждения]

[Повторная оценка после ремонта]

— Вот теперь правильно.

Правильным это не ощущалось. Я отказался от самого большого шанса в поле зрения, потому что сначала надо было удержать воздух, воду и корпус. Другого способа не умереть в ближайший час у нас не было.

Оставшееся время кармана ушло на мелочи.

Мелочи, без которых умирают.

САРА перестроила список видимых угроз. Ян отметил вход, слабое движение дальних обломков и три возможных пути выхода задним ходом. Мира заставила меня съесть половину пайка, хотя еда была сухая, липкая и явно считала себя строительным материалом. Я проверил голосом порядок выхода, потому что руками проверять было нельзя.

— Задний ход, малая тяга, без правого кронштейна. Левое крепление не дергать. Фильтр держим в мягком режиме. Если свет пойдет сверху, ждем, не выскакиваем.

Ян повторил уже своими словами, быстрее, но без обычной суеты.

— Задом, малой тягой. Правый не трогаем, левый не дергаем, фильтр мягко. Свет сверху, ждем.

— Если обломки двинутся раньше?

— Выходим сразу. Без спора.

Мира добавила.

— Если у Рика поплывет речь, я режу обсуждение и вы делаете то, что вывела САРА.

[Медицинский приказ принят как основной]

— Не привыкай.

Три часа двадцать две минуты сжались быстрее, чем должны. В старой жизни за такое время можно было разобрать узел, сварить раму, выспаться плохо, но честно. Здесь мы заменили фильтр, сняли часть перегрева, собрали полпакета воды, посмотрели на большую будущую проблему и успели понять, что карман не наш.

Свет у входа стал чаще.

Обломки у дальней стенки дрогнули. Один кусок размером с капсулу медленно повернулся вокруг своей оси и сел ниже. Мимо нас. Пока мимо.

САРА вывела.

[Окно стабильности: заканчивается]

[Рекомендация: выход]

Ян уже был готов.

— Я говорил, что обломки могут двинуться после входа. Не рад, что угадал.

— Ты был прав.

— Запиши. Такое надо хранить.

САРА вывела.

[Ян был прав]

Пауза.

[Контекст: неприятный]

— Сойдет.

Я посмотрел на карман. На темные стены, мусорный слой, слабый свет у входа. Где-то под нагаром и старой пылью могла быть история этого места. Кто сюда заходил, что чинил, от чего прятался. Мы пока взяли у него только тишину и несколько часов. Даже за такую малость придется потом платить, если Риф ведет счета так же тщательно, как мы.

— Выходим.

Ян снял тихую фиксацию.

Шаттл дрогнул, отлип от мусорного слоя и медленно пошел назад, хвостом к свету. Фильтр работал ровнее. Левое крепление гудело тише. Воды стало на полпакета больше. Все остальное оставалось плохим.

Но плохое с воздухом лучше плохого без воздуха.

На выходе я снова посмотрел на строку серого буфера.

[Азимут объекта: 34 вправо, 11 вверх]

Позже.

САРА не стала комментировать.

Мира тоже.

Ян вел шаттл задним ходом из первого кармана.

За пределами темной щели свет Рифа снова собирался в дорогу.

Глава 5: Чужая метка

На выходе из кармана временная тишина закончилась.

Обломки у дальней стенки сдвинулись. Большой кусок старой обшивки сел ниже, второй пополз за ним, третий повернулся вокруг своей оси и медленно закрыл часть темной щели, где мы глушили двигатели три часа. Если бы Ян задержал тягу еще на пять минут, выход пришлось бы пробивать через боковой поток и молиться, чтобы маневровые выдержали перегрузку.

Ян вел задним ходом, не моргая. Пальцы на ложементх управления побелели.

Я не мешал.

Сидеть и не мешать оказалось отдельной тяжелой работой. Держать левую руку под ремнем, чтобы не дернулась от фантомного отклика, молчать и не сообщать каждую секунду, где мне видится новый удар. Риск видели все. Ян вел, чувствуя вибрацию корпуса. САРА считала дистанцию до стен, выдавая на стекло красные сектора. Мира держала медицинский сканер и смотрела не на карту, а на меня, потому что в ее мире я тоже был аварийным узлом, готовым отказать в любой момент.

САРА обновила данные на стекле:

[Правый борт: 0.52 м.]

[Вектор сближения: критический]

Ян раздраженно дернул плечом, словно уклонялся от удара.

— Вижу, — он чуть добавил компенсаторы. — Не перекрывай зону обзора.

Шаттл вышел из кармана носом к темному проходу, хвостом к старой мусорной стенке. Последний массивный обломок скользнул за нами и сел так, что прежняя геометрия входа исчезла. Карман на карте остался, но в реальности дверь стала сплошной броней.

— САРА, зафиксируй карман, — хрипло сказал Ян.

САРА сохранила точку.

[Точка сохранена: Карман 01]

[Стабильность объема: переменная]

[Риск повторного входа: 84 процента]

Ян шумно выдохнул, потянулся к тумблерам связи, но внезапно замер.

На правой стене, почти у самого выхода из кармана, свет от наших маневровых на секунду лег под правильным углом и вырвал из темноты знак.

Перед нами была уже не случайная царапина.

Я видел достаточно следов ударов за последние часы, чтобы понять разницу. Случайная борозда идет туда, куда ее тащит кинетика и масса. Эта держала жесткий порядок. Три коротких насечки под углом, затем глубокий прямой рез, потом круглая выбоина, сделанная не случайным камнем, а целенаправленным ударом тяжелого инструмента по одному месту. Ниже шли две тонкие линии, почти забитые нагаром от чужих двигателей.

Знак был грубо выбит в металле.

Неглубоко, но намеренно. Тот, кто бил, тратил кислород и время.

— Остановка, — скомандовал я.

САРА уже приблизила и отфильтровала картинку.

[Визуальный захват]

[Искусственное происхождение: 98 процентов]

[Совпадение по базам: отсутствует]

Мира посмотрела на переплетенные линии, потом на темный проход за ним.

— Люди? — спросила она.

Ян взгляделся в экран, хотя система уже вытянула максимум резкости из плохой оптики.

— Или те, кому хватило рук и инструмента. На автоматику резаков не похоже. Слишком неровно. Человек бил в скафандре, на весу.

САРА дала несколько вариантов наложения. Знак на стене повернулся, сравнился с нашими собственными царапинами от посадки, с отметками старых технических служб колонии, с тем мусором, что САРА успела собрать за первые часы в Рифе. Совпадений по контурам не было. Были похожие углы реза, похожая глубина скола, такая же грубая работа по неподатливому сплаву. Но точного значения система не знала.

[Лингвистический и символичный анализ:]

[Занято / Принадлежит: 31%]

[Безопасно / Проверено: 26%]

[Опасность / Вход закрыт: 18%]

[Ловушка / Зона обрушения: 11%]

[Иное: 14%]

Ян прочитал варианты расчета и поморщился, стирая пот со лба.

— Прекрасно. Эта штука может означать вообще что угодно.

Я смотрел на выбитые линии.

Занято. Проверено. Опасный вход. Ловушка.

Если знак означал «занято», мы только что провели три часа в чужом укрытии, тратя чужое право на покой. Если «проверено», кто-то раньше нас нашел этот карман и оставил своим безопасный путь. Если «опасный вход», мы прочитали предупреждение уже после того, как выжили внутри. А если это «ловушка», мы еще не знали, где именно она захлопнется.

— САРА, сохрани знак отдельным файлом, — сказал я, проверяя фиксацию ремня.

[Сохранено]

— И заведи под него новый рабочий словарь.

[Словарь: Метки Рифа. Создан.]

Ян опустил руки на колени.

— Значит, они здесь.

Никто не спросил, кто именно.

В Нулевой Зоне чужой корабль или человек был редким событием. В Рифе чужое присутствие начиналось со следа на металле. Знак означал, что за следующий карман, за чистый фильтр или за коридор без обломков придется платить не только топливом.

Мира с щелчком убрала сканер в поясное крепление.

— Маршрут меняем?

Ян долго не отрывал взгляд от экрана с меткой.

— Меняем. Теперь любой глухой карман может оказаться чужим схроном. Или отмеченным тупиком. Или плохим местом для тех, кто не умеет читать стены.

САРА обновила статус протоколов на основном экране.

[Внимание: Обнаружены следы деятельности]

[Навигация: Любая нераспознанная метка приравняется к угрозе столкновения]

Я не стал спорить с системой.

Еще минуту назад этот карман был плохим временным укрытием, которое мы чудом успели занять. Теперь он стал чужой территорией. Это меняло не только маршрут на карте, но и цену каждого последующего маневра.

Я снова посмотрел на азимут «Карима Салеха» на боковом экране. До этой метки огромный корпус мертвого грузовика был просто ценной находкой. Он обещал возможный кислород, толстый металл брони, целые стыковочные рукава, пространство, где можно размять ноги. После чужого знака «Салех» перестал быть ничейным, даже если внутри его коридоров давно не осталось ни одного бьющегося сердца.

— Тогда идем к корпусу, — сказал я.

Мира сразу подняла голову от сканера.

— Осмотр только внешний, — опередил я ее возражения, пока они не превратились в жесткий медицинский запрет. — Внутрь не лезем, у нас на счету каждый фильтр. Я работаю без класса. Шаттл не стыкуем. Нам просто нужно понимать, что именно висит рядом по азимуту и какие узлы там уцелели.

Ян смотрел на меня с настороженностью, с которой опытные пилоты смотрят на техника, стоящего рядом с искрящим распределителем. Вроде человек говорит правильные слова, но в любой момент может сунуть руки в высокое напряжение.

— Облет по внешней дуге, — медленно кивнул он. — Без касания обшивки. Если нужно, выходим в скафандрах, на коротких тросах.

Я продолжил распределять задачи, стараясь не звучать как человек, которому срочно нужен металл:

— САРА ведет шаттл, держит нас на дистанции сброса. Мы с Яном выходим, осматриваем отсеки и общую геометрию. Мира на внутреннем мониторинге.

Она посмотрела на меня, не повышая голоса. Так было только хуже. Со спокойной Мирой спорить было бесполезно.

— Я иду с вами до шлюза. Проверяю крепления, фиксирую страховку на барабане и остаюсь у внутреннего люка. С твоей левой рукой кто-то должен держать трос руками, а не доверять датчику натяжения. Ян будет занят собой, а САРА маневровыми двигателями. Обсуждать тут нечего.

— Принято. Ты до шлюза, дальше мы с Яном.

Ян пробормотал, с силой вгоняя фиксатор поясного ремня в гнездо:

— Вот так выглядит власть без реестров. Медик сказал, экипаж выполняет.

САРА вывела на основной экран жесткий контур:

[Приоритет медицинского контроля подтвержден]

[Блокировка внешнего люка без авторизации врача]

Ян коротко хмыкнул, проверяя клапаны подачи кислорода на своем комплекте.

Подготовка к выходу заняла больше времени, чем сам путь.

В нормальном корабле с просторным шлюзом два скафандра достают из вертикальной стойки, проверяют герметичность по чек-листу, подключают внешнее питание и выходят. У нас один скафандр был зажат за контейнером с едой, второй лежал пристегнутым поверх упаковок с водой, а третий просто валялся сверху и мешал открыть ящик с ремонтным тросом.

В тесноте рубки каждое движение требовало аккуратности. Ян дважды зацепился тяжелым ботинком за страховочный ремень кресла. Я один раз почти ударил фиксатором правой руки по стеклу собственного шлема и получил от Миры такой холодный взгляд, что САРА даже не стала комментировать происходящее.

Мы собирались наружу как люди, готовые открыть дверь, за которой может вообще не быть ничего, кроме вакуума. Мира проверяла меня дольше, чем тестировала сам скафандр. Она проверила давление в контуре, жесткость шарниров, а потом взялась за меня.

— Покажи пальцы левой руки.

Я пошевелил левой, преодолевая сопротивление толстой перчатки.

— Трemor, — констатировала она, не отрывая взгляда от суставов.

— Небольшой. Сил хватит, чтобы держать трос и не сорваться с обшивки.

Она с силой затянула манжету на моем запястье.

— Инструмент оставляешь в шаттле. Никакого использования класса, — жестко предупредила Мира. — Не тянешься к корпусу руками. Не ищешь отклик в чужом железе. Ты идешь только смотреть, не работать.

— Принято.

Она закрепила страховочный карабин на моем силовом поясе, потом с силой дернула его дважды, проверяя, как зубья замка встали в паз.

— Если боль в руке усилится, немедленно возвращаешься.

— Вернусь.

— И если увидишь там красивое мертвое железо и захочешь подобраться к нему ближе, — она посмотрела мне прямо в глаза, — тоже возвращаешься.

— Это уже удар ниже пояса, — поморщился я.

— Это твой диагноз, Рик.

Ян в соседнем кресле застегивал шейный замок шлема и делал вид, что занят только герметичностью.

— Тебя это тоже касается, Ян, — не оборачиваясь, добавила Мира.

— Меня не привлекает в Рифе красивое и мертвое, — отозвался Ян, щелкая разъемами.

— Я вижу только плохие маршруты и сомнительные решения. Так что меня туда не тянет.

— Если увидишь, что Рик игнорирует приказ и тянется к корпусу, силой возвращаешь его назад.

— С превеликой радостью, док.

— Я вообще-то все слышу, — напомнил я, проверяя подачу кислорода.

САРА обновила строку на стекле шлема. Без синтетических шуток, только сухая констатация:

[Медицинский протокол утвержден]

[Ответственность распределена]

Шлюз в нашем шаттле был слишком тесным для двух людей в тяжелых скафандрах и одного врача, чье настроение становилось только хуже с каждой минутой. Мы входили в камеру по одному. Сначала Ян. Потом я. Мира еще раз проверила внешний сбросной клапан, натяжение тросов, давление в баллонах, систему ручного возврата лебедки и остаток кислорода. Затем она задержала руку на моем плечевом креплении.

— Никакого геройства снаружи, Рик. У нас нет ресурсов на спасательные операции.

— Обещаю быть самым скучным техником в этом секторе, — ответил я, хотя пульс уже начинал тяжело биться в висках от близости выхода в Риф.

Внешний люк открылся без звука, выбросив нас в вакуум.

Риф мгновенно ударил светом по стеклу шлема. Фильтры едва успели затемнить обзор.

Даже здесь, в относительной тени нашего шаттла, местный свет казался слишком агрессивным и живым. Он не освещал пространство ровно, как нормальная звезда, а выхватывал куски реальности из крошечной темноты.

Стенка укрытия. Старый выбитый знак за спиной. Бесконечный мусорный поток глубоко внизу. Темный изгиб прохода впереди. И дальше, в стороне от нашего курса, висела та самая громадина, которую САРА изначально собрала в 3D-модель по одной короткой вспышке.

Снаружи эта масса выглядела подавляюще огромной.

Расстояние в Рифе врет почти так же убедительно, как и местная карта. Пока ты сидишь в защищенной рубке шаттла, большой объект остается просто строкой данных, азимутом, математической оценкой длины. Снаружи он давит на зрение своей физической плотностью даже через тьму. Далеко, но уже не абстрактно.

Черный вытянутый до предела корпус висел между массивными плитами обломков, частично закрытый световой плазменной пылью. Когда вдали вспыхивала плазма, на долю секунды проявлялась верхняя линия надстройки, а потом снова проваливалась в ледяную темноту.

— Вижу цель, — глухо сказал я.

Внешний радиоканал шел только между нами, САРОЙ и внутренним пультом Миры. Коротко, узко, без широкого вещания, чтобы не привлекать тех, кто мог нас слушать.

На стекле шлема появилась системная строка:

[Синхронизация курса. Тяга: минимум]

— Ближе не подходи, держи зазор, — приказал я системе.

[Вектор сближения обнулен. Дистанция зафиксирована]

Ян первым ушел от люка, крепко держась перчаткой за трос, медленно его спуская. В невесомости его движения в громоздком скафандре стали медленными, расчетливыми, почти механическими. Он шел вдоль обшивки шаттла, ставил магнитные ботинки на технологические выступы, проверял каждое натяжение лебедки перед тем, как переносить вес тела дальше. Я шел за ним гораздо медленнее. Правая рука, скованная фиксатором, мешала балансировать. Левая слушалась, но Мира была абсолютно права: для тонкой работы с инструментом она сейчас не годилась. Только держать трос.

Мы осторожно обошли корпус шаттла до внешнего края.

Отсюда мертвый корабль был виден лучше.

— САРА, дай дистанцию.

[Оценка: 1.8 — 2.4 километра]

— В Рифе это считается опасным сближением. Любое расстояние, откуда ты не можешь уйти на маршевой тяге за десять секунд, это уже вплотную, — мрачно заметил Ян, проверяя крепление у пояса.

Шаттл шел малой маневровой тягой по дуге, оставляя между нами и большим корпусом достаточно мертвой пустоты, чтобы успеть передумать и дать задний ход. Мы с Яном просто висели на внешних страховках, как два слепых датчика, зато наши глаза видели то, что оптика камеры теряла в бликах, отражениях и статике.

Сначала из темноты проявились рукава.

Свет выхватывал их по одному. Один правый, потом второй чуть ниже, потом третий, почти полностью скрытый плотной тенью от надстройки. Стыковочные рукава были подвешены вдоль борта — старые, покрытые темным налетом, но их геометрия держалась. Три массивных стыковочных фланца по правому борту. Вокруг них не было видно никакой активности, но и следов явного механического срыва тоже не наблюдалось.

— Три рукава, — озвучил я.

САРА добавила маркеры на стекло.

[Правый борт: обнаружено 3 стыковочных узла]

[Структурная целостность: визуально подтверждена]

Дальше световой поток прошел по кормовой части, и мы увидели двигательную гондолу.

Точнее, то место, где она обязана была быть.

Одна боковая гондола торчала из корпуса, визуально целая по внешнему контуру. А вот вторая была вырвана с корнем. От нее остался лишь искореженный несущий фланец, несколько оборванных силовых кабелей толщиной с ногу и длинная глубокая тень, уходящая вдоль пробитого корпуса. Края разрыва не выглядели свежими. Свет и агрессивная пыль Рифа давно сгладили рваный металл.

— Минус одна гондола.

Голос Яна в динамике стал тише. Перед лицом такой разрушительной мощи хотелось говорить вполголоса.

У гигантских корпусов и аварии всегда крупные. Ты смотришь на оторванную двигательную секцию и пытаешься осознать, какую чудовищную кинетическую силу нужно было приложить, чтобы оторвать от корабля кусок металла размером с наш собственный шаттл.

— Пробоины, — добавил я, вглядываясь в тень.

На нижнем броневом поясе виднелись два темных провала. Один малый, с оплавленными по краям бронеплитами. Второй гораздо шире, ближе к средней части трюмов. Оттуда при

каждой вспышке света выходила темнота совершенно иного качества. Не тень от внешнего препятствия, а абсолютная пустота выжженных внутренних отсеков.

[Корпус: структура нарушена]

[Атмосфера внутри: отсутствует (вакуум)]

САРА писала предельно сухо. Этот разрушенный гигант она не называла «полезной находкой».

За такую машинную аккуратность я был ей искренне благодарен.

— Внутри чисто, сплошной вакуум, — сказал я по связи, чтобы Мира слышала. — Внутри мы точно не лезем. Нам не хватит кислорода даже на один отсек.

— Подтверждаю. Медицинский запрет на вход зафиксирован, — тут же отозвалась она.

Шаттл медленно шел по дуге. Корпус гиганта неохотно поворачивался относительно нашей позиции, открывая массивный нос. Обшивка форштевня была темной, с серо-черными разводами, местами ставшая стекловидной от старых плазменных разрядов. На таком обожженном металле любая краска умерла бы за неделю. Но имя оказалось не краской.

Огромные буквы были грубо выбиты прямо в металле форштевня.

Глубокие, широкие, высеченные старым ручным шрифтом. Свет прошел по ним снизу вверх, и на одну секунду они стали отчетливо читаемыми.

КАРИМ САЛЕХ.

Я прочитал их молча.

Потом повторил вслух, чтобы бортовая запись получила аудиоподтверждение.

— «Карим Салех».

САРА тут же сохранила кадр в базу.

[Идентификатор на корпусе: КАРИМ САЛЕХ]

[Регистрационный маяк: сигнал отсутствует]

[Энергетический отклик реактора: отсутствует]

Ян повторил имя тише, смакуя слоги.

— «Карим Салех». Это имя человека, а не корпоративное название. Такие грузовики раньше часто называли по имени первого владельца. Или по капитану, который первым вывел его на рабочую линию. Старый обычай. Дурацкий, но очень живучий на дальних трассах.

Он говорил так, будто сам слегка удивился тому, что знает эти детали.

— Видел похожие. Издалека, — добавил пилот, предвосхищая мой закономерный вопрос.

Одного этого короткого «издалека» хватило, чтобы снова узнать Яна. Он слишком часто видел чужую жизнь из тех глухих мест, куда нормальные люди никогда никого не зовут.

САРА вывела на стекло новую трехмерную модель. Это был уже не предварительный силуэт, а грубая, но понятная внешняя схема. Массивный нос. Линии трюмов. Правый борт с тремя стыковочными рукавами. Рваная культя оторванной гондолы. Пробоины в днище. Имя на носу.

[Объект: грузовой транспорт класса "Длинный вол"]

[Идентификатор: Карим Салех]

[Состояние: структурный каркас цел, энергетически мертв]

[Возможность стыковки: требует контактной проверки]

— О стыковке забудьте. Не сейчас, — синхронно, слово в слово произнесли мы с Мирой в канал.

Ян сухо кашлянул в микрофон.

— Синхронизация просто прекрасная. Две профессии, одна мысль.

Я смотрел на три рукава.

Три визуально целых стыковочных узла. Даже если первый намертво заклинил, даже если второй перекошен от удара, даже если третий потребует ручной сборки переходника — сам

факт их наличия был почти неприлично удачным. Это было место для шаттла. Надежный вход. Возможность когда-нибудь снять этот давящий шлем не в тесном кресле, а в широком коридоре, где можно пройти хотя бы десять шагов по прямой. Возможность разложить инструменты на нормальном полу, а не на собственных коленях.

Возможность умереть не в консервной банке, а внутри мертвой громадины.

Мира вышла на связь.

— Рик.

— Вижу.

— Что именно ты видишь?

Хороший вопрос. Она не спрашивала про картинку на сенсорах. Она спрашивала про то, что происходит в моей голове.

— Я вижу три рукава. Оторванную гондолу. Пробоины и вакуум. Вижу мертвое имя на броне. Нет спасательного маяка. Нет тепловой энергии. У нас нет ни одной причины лезть внутрь прямо сейчас, — перечислил я факты, чтобы успокоить и ее, и себя.

— Записала, — с явным облегчением выдохнула Мира.

САРА, словно поддерживая медика, вывела на стекло сухую выжимку:

[Анализ рисков входа]

[Время на операцию: отсутствует]

[Запас фильтрации: критический минимум]

[Статус стыковочных узлов: не проверен]

[Внутренняя угроза: неизвестна]

[Итог: вход отложен]

— Последний пункт звучит как приговор, — пробормотал я.

— Последний пункт, это здравый смысл, — отрезала Мира.

Ян, висящий на тросе рядом, не выдержал.

— Я бы добавил к ее расчетам шестой пункт. Экипаж шаттла хочет жить, а не стать частью местного пейзажа.

САРА сухо мигнула маркером:

[Обновление приоритетов: выживание экипажа — высший приоритет]

— Спасибо, железка, — хмыкнул Ян.

Световая полоса в Рифе начала расширяться. Корпус гигантского «Карима Салеха» снова начал быстро закрываться грязной плазменной пылью. Для визуального сближения у нас оставалось только текущее короткое окно. Потом местный свет снова сменится, и мы ослепнем.

Я хотел туда. Себе я врать не стал. Я действительно хотел туда. Даже не из жадности. Из хронической усталости. Из-за тесноты. Из-за злости на пакет воды под локтем, на грязные фильтры, на медбокс вместо чистой жилой зоны, на то, что каждый вдох внутри нашего шаттла уже был чьей-то ежедневной победой над плохой арифметикой.

Огромный мертвый корпус обещал не богатство, а пространство.

Я с усилием отвел взгляд от рукавов «Салеха».

— САРА, дай обратный курс к люку.

[Вектор возврата построен. Тяга маневровых: 10%]

— Подтверждаю отход. Без протокола стыковки.

[Режим стыковки заблокирован]

— И зажми передатчик. Никаких меток наружу.

[Излучение подавлено. Радиомолчание сохраняется]

Ян медленно развернулся на тросе, отталкиваясь от пустоты.

— Возвращаемся.

В его голосе была густая смесь облегчения и сожаления. Нормальная, здоровая реакция живого человека. Значит, голова у пилота еще работала.

Путь назад по тросу оказался длиннее из-за того, как сильно хотелось оглянуться. Я оглянулся дважды. Первый раз увидел только темный бронированный борт и вырванную с корнем гондолу. Второй раз плазменный свет Рифа лег точно на форштевень, и глубокие буквы снова вспыхнули на секунду.

«Карим Салех».

Чужое имя на мертвом холодном железе.

Пока чужое.

Когда мы вернулись к шлюзу, лебедка сработала с глухим рывком. Мира сначала жестко зафиксировала и втянула Яна, потом подтянула меня. Внутренний люк закрылся с тяжелым металлическим лязгом. Давление пошло медленно, с шипением нагнетая воздух в тесную камеру шлюза. Искусственная гравитация навалилась на плечи, возвращая вес уставшему телу. Я снял шлем и только тогда понял, насколько устал от звука собственного дыхания. В скафандре оно всегда рядом, всегда слишком громкое, всегда напоминает, что в миллиметре за стеклом нет никакого милосердия.

Мира не дала мне даже сесть в кресло.

— Сними перчатку. Покажи левую руку.

Я стянул плотную ткань и показал.

Пальцы дрожали с той же частотой, что и перед выходом.

— Плохо, но амплитуда спазма без ухудшения, — констатировала она, щупая суставы.

— В нашем положении это уже тянет на похвалу? — поморщился я.

— В нашем положении отсутствие ухудшений, это настоящий праздник. Сядь и не дергай рукой.

Я тяжело опустился в кресло.

Ян снял шлем, бросил его на крепление и долго смотрел на темный боковой экран, где САРА все еще держала внешнюю схему корпуса.

— Там ведь когда-то были люди.

Никто из нас не ответил сразу.

Ян ткнул пальцем в три стыковочных рукава на схеме.

— Раньше, само собой, давно. Такой гигантский корпус не летает пустым на автоматике. Кто-то там ел, спал в каютах, ругался на кухне, чинил реактор. Может, ребенок бегал по коридору, если это был семейный грузовик фрилансеров. А теперь он висит тут, пробитый насквозь, и мы смотрим на него исключительно как на ресурсную возможность.

Мира посмотрела на голограмму корабля уже без прежнего врачебного раздражения.

— Ресурсная возможность не отменяет тех людей, которые были до нее. Мы просто хотим жить, так же как они.

САРА промолчала. И правильно сделала. Некоторые вещи не нужно фиксировать системным интерфейсом, чтобы они имели вес.

Я вспомнил знак, который САРА сохранила в новом словаре меток Рифа. Потом перевел взгляд на схему «Карима Салеха». Знак и огромный корпус теперь лежали рядом в памяти нашего шаттла. Маленькая человеческая зарубка на стене кармана и гигантское мертвое имя на форштевне. Риф перестал быть для нас пустой геометрией не тогда, когда мы увидели этот мертвый корабль. Корпус мог быть просто старым железом из прошлой эпохи. Риф стал по-настоящему обитаемым в ту секунду, когда мы увидели выбитый знак, оставленный кемто для своих.

Люди здесь были. Люди здесь есть прямо сейчас. И у каждого из них, скорее всего, уже есть свой длинный счет пожеланий и претензий к Рифу.

— САРА, открой журнал капитана.

Система мигнула зеленым.

— Карман 01 отмечен чужим искусственным знаком. Смысл метки неизвестен. В Рифе работают люди или группы, которые ведут навигацию по резам на металле. Объект по азимуту осмотрен снаружи. Имя на корпусе «Карим Салех». Три визуально целых правых стыковочных узла. Одна маршевая гондола оторвана механическим путем. Пробоины в броне. Внутри чистый вакуум. Энергии нет. Внутрь не входили.

[Запись внесена в реестр]

— Добавь жесткую причину отказа.

[Укажите причину отказа от проникновения]

Я продиктовал медленно, чтобы самому четко услышать свой собственный приказ.

— Нет времени. Нет запаса фильтра. Нет проверенного стыка. Нет уверенности, что внутри пусто и безопасно. Команда шаттла не готова к исследовательским и спасательным операциям.

Ян удовлетворенно кивнул, соглашаясь с каждым пунктом. Мира даже не пыталась скрыть глубокое облегчение на лице.

Шаттл снова шел малой тягой, осторожно уходя от «Карима Салеха». Позади оставался огромный мертвый корпус, а впереди начинался настоящий Риф, где кто-то уже ставил знаки на броне для тех, кто умел их читать.

Мы пока не умели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.